

Дарья
СЛОВНИК

РАЗВОД
Но (не) по плану

Дарья СЛОВНИК

Развод (не) по плану

«Литнет»

2025

Словник Д.

Развод (не) по плану / Д. Словник — «Литнет», 2025

«Столько лет уже прошло, а я все не могу забыть тебя» «О, боже, мой, Карина! Я тоже думал о тебе! Я жену свою вообще уже не воспринимаю... Она не следит за собой, после родов расплылась. Пилит мне мозг. Ей от меня только деньги и нужны!» «Так почему ты все еще с ней?» Муж флиртует с бывшей, пока я беременная ухаживаю за больным отцом и сыном. Отчаянье захлестывает меня, когда я нахожу унижительную переписку. Но это предательство вскрывает другие коварные планы мужа, от которых волосы встают дыбом. И этого я ему с рук не спущу. Держись, дорогой, я не позволю твоим планам сбыться! - 16+ - месть - эмоции - вот это повороты по классике Книга участвует в литмобе «Неправильный развод» -

Содержание

Глава 1: «Ты помнишь мои вкусы?»	5
Глава 2: Я не закончила.	8
Глава 3. Новое смс.	12
Глава 4. «ООО «Снежок»	16
Глава 5. Главная цель.	21
Глава 6. Пароль.	24
Глава 7: Другая Василиса.	27
Глава 8: «Привет. Ну что, все в силе?»	31
Глава 9: "Так почему ты все еще с ней?"	34
Василиса и Артем.	38
Глава 10. "Адвокаты про"	39
Глава 11: Неожиданные гости.	43
Глава 12: Тяжелые вопросы.	46
Глава 13: Мама Снежи.	49
Глава 14: Просьба.	52
Глава 15: Самое худшее.	55
Глава 16: Шоу "притворись моей бывшей".	58
Глава 17: Время звонить сестренке!	61
Глава 18: Я этого не забуду.	64
Глава 19: То, что в его голове.	67
Глава 20: Вы что, сговорились?!	71
Глава 21: Встреча с Кариной.	75
Глава 22: Правда.	78
Глава 23: Я подаю на развод.	81
Глава 24: Истинное лицо.	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1: «Ты помнишь мои вкусы?»

Василиса.

Вам новое сообщение от Босса:

«Ого, ты помнишь мои вкусы?»

Я стою над открытым ноутбуком Артема и едва соображаю.

Мало того, что сейчас 05:34 утра, на плите настойчиво кипит каша, а Миша норовит расплакаться из-за температуры, так еще и задачек мне не хватало.

Головоломательных.

Душераздираательных.

Конечно, я залезла в это сообщение. А кто бы не залез? Я слышала, что среди мужчин бытует мнение, будто женщины в декрете становятся глупыми, но уверяю, это всего лишь заблуждение.

Я точно не дура.

Какой, к черту, «Босс»? Артем — сам себе хозяин. Он предприниматель, у него свой продуктовый магазин. Никаких боссов и быть не может.

Да и кто так общается с начальством?

«Ты помнишь мои вкусы?»

Звучит до тошноты омерзительно и подозрительно, если держать в уме, что это написал именно начальник. А вот если это написал кто-то другой...

Или другая.

Я принимаю решение буквально за минуту, пока рука еще дрожит над клавиатурой. Неверными вспотевшими пальцами я кликаю на уведомление, и меня «затягивает» в секретный чат мессенджера.

Я о таких только слышала, но никогда не пользовалась сама. Мне не за чем.

Мне нечего скрывать.

А вот Артему есть, что, оказывается...

Я попадаю внутрь переписки. Всматриваюсь в этот чат до рези в глазах.

Имя «Босс».

Аватарки нет. Обычная белая буква «Б» на зеленом фоне.

А вот облачка сообщений висят и их много... Очень много. И все за вчерашний день. Я лезу в настройки и вижу, что у этого чата настроен таймер. Смс удалятся скоро.

Я ничего не слышу вокруг, словно кто-то включил на полную громкость белый шум. Кидаюсь за телефоном, подскакиваю к экрану и как полоумная начинаю фотографировать экран ноутбука, потому что скрины сделать невозможно. Это я точно знаю. И если попытаюсь, то однозначно спалюсь!

Как только последний снимок сделан, я моментально выхожу из чата, захлопываю крышку ноутбука и отхожу от него, как от чумного.

Сердце колотится только так. Я прижимаю телефон к груди и шагаю назад. Чуть не падаю, когда наталкиваюсь на стул. Хватаюсь за подоконник, и звуки реального мира врываются в меня словно по щелчку.

Миша хнычет в манеже, настойчиво гремит игрушками. Он хочет есть...

Есть... Еда...

Каша!

Она уже не бурлит, а возмущенно шипит и исходит едким дымом.

Подгорела!

— Черт! — кидаюсь к ней.

Резкими движениями вырубая конфорку, стаскиваю кастрюльку с плиты и швыряю ее в раковину, открываю окно, впуская прохладу весеннего утра.

Я и сама вдыхаю этот освежающий уличный воздух, наполненный запахами наступающей весны. Распускающаяся свежая зелень, тающий снег, прелая земля и, конечно, тонкий аромат газа машин.

— Ма-ма! Ма-ма!

— Да, да, сейчас, — я прикрываю глаза ладонью, опираясь второй рукой о подоконник.

Изнутри дома меня обволакивает жар кухни, со стороны окна в лицо бьет прохладный ветерок, а внутри меня просто все клоочет от обиды и непонимания.

На автомате я достаю запасы пюре для Миши, которое делаю сама, а не покупаю. Грею еду, усаживаю Мишу в детский стул и даю поесть. И пока он ковыряется детской пластмассовой ложечкой в тарелке, радостно размазывая по себе пюре, я лезу в телефон.

Залезаю в галерею, где у меня нафоткана их переписка. Открываю одну фотографию, как раз где про «вкусы», и вчитываюсь уже внимательнее. У меня прямо голос Артема в голове звучит, словно кто-то озвучивает эту переписку.

— «Да, да, да! Все так, все так. Я же тоже бизнесмен. Дело прет только так, а дома прям даже отдохнуть не получается. Жена душит бытовухой, сын спать не дает»

И следом от него же:

— «Капец, я тоже скучаю по тем временам. Так давно не виделась»

— «Ну, так давай увидимся. Все обсудим. Хотели же»

— «Да, конечно. Привезу тебе вина и мармеладок))»

— «Ого, ты помнишь мои вкусы?»

— «Конечно. Их сложно забыть. Как и тебя...».

— «Слушай... А жена что? Ты же еще женат, верно? Ничего не поменялось?»

— «Лиса сейчас беременна, ей не до меня. Носится с ребенком, а на меня вообще не обращает внимания. Я только и делаю, что батрачу и ее содержу. По чесноку если, наши отношения давно остыли и дрожат, как холодец. Только на мне и держатся. Так что я буду рад просто пообщаться и все обсудить. Немного женского внимания никакому мужику не повредит».

Я понимаю, с кем он переписывался...

Едкие жгучие слезы застилают глаза. Чувствую, как подбородок начинает мелко дрожать, стискиваю зубы и сжимаю губы, чтобы не дай бог рыдания не вырвались из меня.

Я закрываю галерею, не в силах это больше читать, хотя там еще есть сообщения дальше.

Я смотрю на «ребенка, который не дает спать». На нашего любимого сына. Артем ведь в нем души не чает, как он может такое писать?!

Да еще кому?!

Бывшей!

И ведь ни слова правды! У нас замечательная семья, и я отдаю Артему очень много своего внимания. Конечно, у меня сын в приоритете. А как иначе, ему же всего два годика! Но и Артему я уделяю время. Уделяю!

Мне Артем ни словом не обмолвился, что его что-то не устраивает или что ему не хватает моей любви.

Или...

Или Артем врет мне, а в переписке говорит все так, как думает на самом деле?

Подозрения и сомнения прорастают во мне с такой скоростью, что я в момент замираю, пытаюсь переосмыслить поведение мужа за последнее время...

Он ведь был так ласков, внимателен ко мне. Как и всегда. Такой добрый и нежный. Не было ничего подобного, что он описывает Карине — его бывшей. Он был идеальным мужем, и я была уверена в своей семье, как никто.

У нас же семья как из мечты! Я думала, что живу в сказке и что все эти истории об изменах — чистой воды кошмар, что происходит где-то там, за бортом нашей крепкой сплоченной семьи.

Я думала, что меня не коснется ничего подобного, что уж у нас-то точно все по-другому. Гордилась своей семьей!

Но...

Кажется, я реально дура...

Моя сказка может вот-вот разбиться о суровую реальность, превратившись в кошмар.

Я встряхиваюсь и моргаю, чтобы прийти в себя. Встаю, утираю слезы и уже куда осмысленнее заглядываю в телефон снова.

Я нахожу номер сестренки и набираю ее. Только она берет трубку, я вываливаю на нее оглушительную новость. Но все же шепотом.

Пусть я за двумя закрытыми дверями... Все с заботой об Артеме! Чтоб его не разбудить! ...Но мне все равно не хочется быть услышанной.

— Кажется, Артем мне изменяет, и я теперь даже не знаю, что делать и как поступить.

— Э... А... И тебе доброе утро, — Снежа по ту сторону очень красноречива.

— Да уж доброе... Я не знаю, что мне делать. Я ведь ношу второго ребенка и завишу от Артема!

Глава 2: Я не закончила.

— Кажется, Артем мне изменяет, и я теперь даже не знаю, что делать и как поступить.

— Э... А... И тебе доброе утро.

— Да уж доброе... Я не знаю, что мне делать. Я ведь ношу второго ребенка и завишу от Артема! Он же сам уговорил меня уйти с работы... Настаивал, прямо, когда папе обновленный прогноз пришел. Боже... Я как знала, что не надо было его слушать...

— Так, погоди, погоди, Вась. Давай это, не гони. Не тараторь. Давай сначала, а то я что-то не пойму...

Я делаю глубокий вдох и такой же глубокий выдох. И пока дышу, вытираю не очень довольную моську Миши слюнявчиком. Забираю у него ложку и принимаюсь машинально кормить сына.

Руки сами действуют, пока язык начинает пояснять с чувством, с толком, с расстановкой.

Я рассказываю ей все с самого начала.

Я вчера заподозрила, что Миша заболел, а ночью у него, как я и ожидала, поднялась температура. Артем на мои призывы сквозь сон только пробубнил «да, дорогая, сейчас встану» и, конечно, не встал.

Продолжил спать как убитый, а я скакала всю ночь.

Ему же нужно выспаться, он работает. Он же не женщина, которая может спать урывками, потому что дома.

Да и бесполезно вообще что-то говорить. Артем уже высказывался на эту тему, мол, уровень работоспособности у мужчины и женщины совершенно разный!

Мол, если женщина поспит всего четыре часа, то по ощущениям она может вагон разгрузить, пусть и с недовольным лицом. А вот если мужчина поспит пять часов, то он чуть ли не свою идентичность теряет и не способен к осознанному труду.

И раз он основной добытчик, то и спать ему положено много.

Я отодвинула свое недовольство на задний план. И пока Артем отдыхал в постели, я, как обычно, жонглировала десятком дел: покормить, переодеть, померить температуру, поменять подгузник, кашу сварить, стирку закинуть, к врачу записаться...

— Я всего лишь хотела зайти на сайт нашей поликлиники и вызвать врача на дом, или хотя бы записаться на ближайшую дату. Потому что у Миши поднялась температура, — я все говорю и говорю, пока Снежа по ту сторону телефона тихо «гукает», давая понять, что она слушает. — Но я даже в браузер не успела зайти. Как только система загрузилась, в углу сразу же всплыли уведомления о сообщениях. Там в виджетах они всегда висят, пока их не удалишь вручную.

— А зачем ты в его ноут полезла-то?

— Да господи, ну, один у нас компьютер, Снежа! Один! Мой сломался, а денег сейчас на ремонт у нас нет. Не то что уж новый купить...

— Да, все-все, я просто уточнила...

— Боже... Ну и вот. А там это сообщение проклятое от Босса!

— И что там? — я слышу в ее голосе искреннее напряжение и интерес. И у меня как будто отлегает.

Я боялась, что она меня осудит за то, что я залезла в компьютер мужа... Все-таки некрасиво это.

— А там у них диалог в секретном чате полным ходом!

— Что, прям долго переписываются? Когда начали? Что обсуждают? Что он ей писал?

— Снежа прямо заваливает меня вопросами.

— Я не знаю, если честно. Там переписка только вчерашняя. Я только ее и увидела. Да и она исчезнет буквально в обед уже. Там таймер стоит на удаление переписки.

— Он наверно думал, что сообщения удалятся и ты ничего не увидишь... А в телефоне что?

— Не знаю. Телефон Артем всегда при себе держит. И сейчас он тоже там, у него в спальне на зарядке стоит.

— Пойди и посмотри!

— Ну вот еще! А если проснется?!

— Блин, да, палевно... Слушай, да, ты права, лучше в телефон не лезь пока. Мало ли... Вдруг он заметит и ты еще и крайняя останешься. Слушай, а... В этой переписке что вообще есть-то? Голые фотки? Секс обсуждают?

— Н-нет, — я аж заикаюсь. — Ничего такого. Просто флирт... Ну, и кажется, они только вчера начали переписываться. Похоже на это было...

— Слушай, так, может, он еще не изменил тебе?

— В смысле?! Он с бывшей обсуждает меня и нашего сына, как он задолбался. Как мы его задолбали!

— Эм... ну, это же только слова. Может, он так выпендривается? Он же еще не переспал с ней?

— Снежа!

— Ну, что Снежа? Я просто пытаюсь зацепиться за что-нибудь хорошее... Не все так плохо ведь... Наверно. Слушай, ну, мне кажется, надо разводиться.

— А?

А тут я уже и впрямь выпадаю в осадок.

— Ты серьезно так думаешь?

— А ты что, нет? Ты же сама мне тут про измену сейчас говорила.

— А ты только что его защищала!

— Да не защищала! Согласна с тобой, он козел. Просто я не знаю, что тебе посоветовать. Раз он такой козел, то наверно лучше развестись.

— Да я не знаю, Снежа! Его слова, конечно, ужасны, но... Он ведь реально еще ничего толком не сделал. Я никогда в подобных ситуациях не была. Понятия не имею, как судить в таких случаях...

— Ну, я тоже... Может, ему чего-нибудь не хватает?

— Скалкой ему по башке не хватает! — шиплю рассерженной кошкой.

— Во! — я слышу, как она одобрительно усмехается в трубку. — Другое дело! Надавать ему хороших люлей и развод!

— Да что ты заладила с этим разводом...

— А как еще-то?! Я тебя не пойму! Сама говоришь: измена, измена, но разводиться - нет?

— Я не говорила «измена, измена». Снежа, какой развод? Я на пятом месяце беременности и безработная!

— И что ты предлагаешь? Простить, забыть? Типа еще не изменил же...

Я сглатываю, ощущая горечь желчи на корне языка.

Все это мне не нравится вот ни разу...

Не изменил еще?

Прощения ему отсыпать?

Да за такие слова о нашем сыне, браке и обо мне, мне хочется придушить его во сне подушкой.

Видите ли, наш брак «дрожит как холодец» и вообще только на нем и держится... А я тогда кто? Сбоку припеку? Нахлебница?

Черт...

Как знала, что идея увольняться и заниматься домом плохая...

Я вздрагиваю, когда слышу шаги и звук открытой двери спальни.

— Все, я пошла. Артем проснулся.

— Ладно, но ты подумай. Может, пока лучше промолчать? Слушай, да, не говори пока ему ни...

Дальше я не слушаю. Дверь кухни распахивается и в нее заходит сонный Артем в одних боксерах.

Я сбрасываю звонок и откладываю телефон, лихорадочно пытаюсь сделать вид лица менее тревожным.

— Доброе всем утречко! — Артем довольный. Лицо румяное.

У меня сердце колотится где-то в горле, дыхание сбивается... Но я сдерживаюсь.

Да и может есть еще шанс все исправить. Надо успокоиться и на холодную голову начать разговор... С такими мыслями я уворачиваюсь от его легкого поцелуя в губы.

— Что такое? Сорян, пока без глубокого французского, я еще не умылся, — он залихватски мне подмигивает. — А что тут у нас покушать? У-у-у? Горелая каша? Мое любимое!

Я смотрю на его хорошее настроение.

Вот же сволочь... Как он так может? Неужели забыл уже, как переписывался с бывшей?

У меня совершенно не соотносится этот Артем, что передо мной сейчас, и тот Артем, что писал те ужасные слова в секретном чате. Как он так может? Какой Артем настоящий?

— Милая, что такое? — он все-таки улавливает мое настроение.

— Да знаешь... — я поджимаю губы, глядя на ноутбук. — Мишута все-таки заболел и...

— О, вот как? — Артем перебивает меня и оборачивается на сына, что вяло возится в манеже. — А по нему и не скажешь.

Артем наклоняется и ласково треплет сына по головке, волосы ему ерошит.

Ну вот как тут можно заподозрить, что он устал от сына? Как?! Нормально же ведет себя. Как всегда!

— Потому что я всю ночь с ним возилась и сбила температуру, — холодно обрубая.

— А, ну, ты у меня крутышка, как всегда, — Артем как ни в чем не бывало кивает, чешет ребра и глазами рыскает по плите. — А что на завтрак будет?

Я едва сдерживаюсь, чтоб не сказать «сегодня у нас раздача бесплатных люлей, ты первый на очереди».

— Я не закончила, — Артём так смотрит на меня куда внимательнее. — Я хотела вызвать врача на дом, — киваю на ноутбук, — как обычно, мы это делаем. Через сайт.

— Та-ак... И?

— И тебе стоило удалить ту переписку с Боссом, «дорогой», а не надеяться на то, что она сама исчезнет по таймеру.

Ягодки мои сладкие, приветствую вас в моем новом романе)))

Надеюсь, вы проникнетесь историей Василисы и проживете с ней книгу до конца. А так же надеюсь, что мы вместе решим судьбу ее муженька.

Если книга вам нравится, поставьте пожалуйста звездочку, добавьте книгу в библиотеку и подпишитесь на меня, чтобы не пропустить свежих глав. Вам не сложно, мне приятно, а книге безумно полезно для продвижения.

Обняла, приподняла:*

Увидимся на страницах истории ♥#

*P.S. График прод - первую неделю каждый день, далее - через день. Все стабильненько. Если вдруг глава не вышла по классике в 6:00, значит какой-то сбой и в меня можно потыкать либо в комментах, либо в канале ТГ.

Глава 3. Новое смс.

— И тебе стоило удалить ту переписку с Боссом, «дорогой», а не надеяться на то, что она сама исчезнет по таймеру.

Слова срываются с моих губ неожиданно спокойно, но внутри всё грохочет, словно где-то глубоко в груди обваливается бетонная плита. Я сама поражаюсь этому контрасту: голос ровный, почти холодный — и сердце, которое колотится так, будто вот-вот вырвется наружу.

Я смотрю на Артёма пристально, не моргая, пытаюсь уловить хотя бы тень честности на его лице. Не объяснение, не оправдание — просто правду. Хотя какую-то.

— Эм... — Артем растерянно смотрит на ноутбук, что стоит на кухонном столе, а потом его взгляд меняется на тот самый... На понимающий.

Этот взгляд я знаю слишком хорошо. Он всегда появляется, когда человек осознаёт: отпираться бессмысленно. Когда слова вот-вот будут сказаны — но не обязательно правдивые. Скорее те, которые выгоднее всего.

— Да-да.

В воздухе между нами зависает пауза. Плотная, вязкая. Такая, в которой тонут даже мысли.

— Ты все не так поняла.

Вот оно. Классика. Фраза, от которой внутри меня что-то окончательно трескается. Не сразу, нет — с протяжным, тягучим звуком, как ломается старая крыша под тяжестью снега.

Главное, чтоб это была не моя крыша.

— Серьезно? Что же я могла не так понять в словах «наш брак дрожит как холодец» или «жена душит бытовухой»?

Я слышу собственный голос будто со стороны. Он дрожит — совсем чуть-чуть, на грани слышимости. Но я всё равно злюсь на себя за эту дрожь. Я не хочу быть слабой. Не сейчас.

— Да это я шутил так!

— Шутил? — я вздергиваю брови, в шоке глядя на него. Ну и наглец! — Это ни разу не смешно! И какого черта вообще ты позволяешь так «шутить» в диалоге с бывшей?!

В этот момент я отчётливо понимаю: меня бесит не только сам факт переписки. Меня бесит лёгкость, с которой он обесценивает мои чувства. Словно это я слишком остро реагирую, словно проблема — во мне, а не в том, что он пишет другой женщине о том, как его «душит» семья.

Артем хмурит брови, взволнованно кусает губы, а потом тянет улыбку.

Эта улыбка всегда действовала на меня. Раньше. Она была моей слабостью, моим якорем, чем-то, что возвращало чувство безопасности. Сейчас же она кажется мне натянутой, как плохо приклеенная маска.

— Так, солнышко, давай, мы с тобой немного остынем. Я сейчас пойду в душ схожу, освежусь. И ты выдохнешь. А потом мы сядем и поговорим, ладно? Я отвечу на все вопросы! Правда!

Он говорит мягко, почти ласково. И именно это раздражает сильнее всего. Словно он уверен: стоит немного подождать — и всё рассосётся само собой. Как всегда.

Я смотрю на его открытое лицо, родную улыбку и шурю. Ничего не отвечаю. Только киваю на душ, мол, ну-ну, иди мойся.

Хотя бы потому что мысль «остыть» вполне адекватная.

Мне действительно нужно время. Пара минут тишины. Возможность собраться с мыслями, прежде чем сказать или сделать что-то, о чём потом пожалею. Если у нас ещё есть шанс всё это разрулить — я хочу дать ему этот шанс. Или, по крайней мере, убедиться, что его больше нет.

Если у нас еще есть вариант разрулить эту ситуацию, я готова пойти на это. Все-таки это и есть любовь, верно? Когда вы оба разруливаете проблему, а не сбегаете от нее.

Эта мысль цепляется за меня, как за спасательный круг. Я отчаянно хочу в неё верить. Хочу верить, что всё происходящее — недоразумение, глупость, ошибка. Что сейчас он выйдет из душа, сядет рядом и скажет что-то такое... настоящее.

И мне, конечно, понадобится время, чтобы его простить за те слова... Но для начала мне хочется выслушать то, что он скажет по этому поводу. Все будет зависеть от его слов.

Артем буквально улетает в душ.

Сбегает. Да уж, смелый мужчина...

Дверь в ванную закрывается, и я остаюсь одна — с шумом воды, который почему-то звучит слишком громко, и с мыслями, которые невозможно заглушить.

Врача на дом я все-таки вызываю. У меня на это уходит буквально минута. Не первый раз уже.

Пальцы действуют автоматически. Я даже не думаю — просто делаю. Как будто на автопилоте. Тело помнит, что нужно заботиться, что есть ответственность, которая не ждёт, пока я разберусь в семейных драмах.

Следом иду в спальню. Я решаю не слушать советов Снежки и все-таки рискую переступить личные границы Артема.

Каждый шаг дается тяжело. Внутри поднимается липкое чувство вины — будто я делаю что-то грязное, недостойное. Как будто сама предаю то, что ещё совсем недавно считала фундаментом наших отношений.

Ощущаю я себя при этом предательницей, словно в дерьме измазалась. Потому что до этого у нас отношения строились на максимальном доверии...

Именно поэтому сейчас так больно. Если бы доверия не было — не было бы и этого ужаса внутри.

А сейчас мне нужно подстраховаться и выяснить, а не списывались ли они с Кариной до того секретного чата? В общем, мне нужно знать, будет ли Артем врать мне.

И... Бац!

— Не поняла... — шепчу растерянно, когда обычный пароль не срабатывает. Тот, что я знала.

Сердце делает странный кульбит и замирает где-то в горле.

Мы оба знаем пароли друг друга уже давно, просто не лазаем в телефоны друг друга. Не за чем было.

Или... было?

Я оборачиваюсь, прислушиваюсь.

Вроде тихо. Миша только курлыкает что-то там сам с собой, гремит пластиковым паровозиком и крышкой от сковородки. Хах, самые любимые его игрушки — это посуда.

Этот привычный, почти домашний шум сейчас кажется чем-то нереальным, как будто из другой жизни. Из той, где всё ещё было нормально.

— Что ж такое-то... — вбиваю снова пароль.

Не подходит!

Если сейчас третий раз введу неверно, он заблокируется на час!

Пальцы дрожат. Я ощущаю, как пот холодной волной прокатывается по спине.

И тут я чуть не роняю телефон, вздрагивая как сумасшедшая. А это всего лишь СМС приходит в ватсапе...

Я вцепляюсь в телефон ледяными пальцами, ощущая, как они пульсируют от страха. И всматриваюсь в экран. Смс от какого-то «ООО Снежок»

Уже одно это название неприятно режет глаз.

«Надо поговорить! Ну, ты и кобель, конечно! Я ожидала звонка от злой беременной женщины, которая...»

Дальше СМС не видно.

И я слышу сквозь шум в голове, как дверь в ванную открывается. Я вскакиваю, резко разворачиваясь. С той расторопностью, что позволяет мне мой животик.

Меня кидает в жар. Мне кажется, что Артем вот-вот войдет.

— Бляха, заторопился и забыл... Лиса, дай полотенце!

Я не дышу, не в силах ответить.

Ведь если я подам голос, то он поймет, что я в спальне! Там, где его телефон...

— Лиса?

Я резко сую телефон под подушку, оббегаю кровать и хватаюсь за одеяло, начинаю застилать. Еле слышные шаги дают понять, что он реально выходит из душа.

— Лиса, ты чего не отвечаешь?

— Задумалась. Не выпалась, — отвечаю неохотно, бурчу, маскируя нервную дрожь за действиями. Щеки пульсируют от жара, что буквально бушует во мне. Меня корежит, будто под давлением океана. То и гляди — лопну! — Полотенце возьми в шкафу, раз уже вышел и намочил пол... А то там Миша у нас сейчас кухню разнесет.

Я быстренько застилаю постель и выхожу на кухню, где Миша со всей своей детской силы швыряет крышку в батарею. Артем остается в спальне.

Звон разносится по всей квартире, и я морщусь. Этот звук бьет по нервам, как по оголенным проводам. Он идеально резонирует с моим внутренним раздраем.

Артем берет полотенце и возвращается в ванную. А я снова припадаю к ноутбуку, прислушиваясь, как шумит вода за дверью ванной.

Этот шум теперь кажется мне отсчетом. Каждая секунда — как удар метронома.

Я открываю ноут, но не вижу в Телеграме новых сообщений. Диалог с «Боссом» все еще висит...

Тут я вспоминаю, что СМС было из ватсапа. Кусая губы, запускаю Ватсап на ноуте.

И вуаля! Я вижу, что СМС от «ООО Снежок» уже прочитано. Артем забрал телефон в душ и прочитал СМС!

Эта мысль обжигает. Значит, он уже знает. Значит, он действует.

Тут же открываю диалог и быстро читаю, пока он не удалил.

Хотя...

Я быстро понимаю, что этот диалог он вряд ли удалит. Он давнишний и очень долгий. А последнее СМС выбивает у меня почву из-под ног почти буквально.

Я оседаю на стул.

Тело словно сдаётся первым. Ноги перестают держать.

«Надо поговорить! Ну, ты и кобель, конечно! Я ожидала звонка от злой беременной женщины, которая бы хаила меня, а в итоге злая беременная женщина звонит и жалуется на то, что ты флиртуешь с бывшей!

Я так понимаю, ты с ней не поговорил?!»

Каждое слово будто впивается в кожу. Каждая фраза — как пощёчина.

И тут я вижу, как появляется новое СМС. От Артема...

«В смысле?

Ты о чем вообще?

Какой флирт бывшей?

Ты в своем уме?

И да, не поговорил. Я же уже объяснял, что еще рано. Куда ты так торопишься?

Твой отец все равно еще жив. Не гони коней. Наберись терпения. Про бывшую я все тебе объясню. Василиса все не так поняла, навешала тебе лапши, и ты тоже не так поняла.

Мне сейчас неудобно говорить. Давай я на работу поеду и заскочу к тебе. Все обсудим»

Внутри меня что-то окончательно рушится. С громким, гулким треском.

«Да иди ты! Не хочу тебя слышать и видеть вообще! С бывшей поговори!»

«Успокойся. Не истери. Я заеду. Все. До связи»

Глава 4. «ООО «Снежок»»

Я сначала ничего не понимаю.

Это даже не мысль — скорее ощущение. Пустота. Белый шум в голове. Как будто кто-то резко выкрутил громкость мира на ноль, и я на несколько секунд выпала из реальности.

А потом ка-ак понимаю...

До меня доходит.

Не сразу. Не резко. А медленно, мучительно, будто сознание сопротивляется очевидному, оттягивает момент, когда придётся признать правду.

«ООО Снежок».

Снежана.

Снежа...

Снежок...

Слова в голове выстраиваются в цепочку, как пазл, который наконец сложился — и от этого становится только хуже. Потому что картинка получается слишком ясная. И слишком отвратительная.

А ведь я даже не заподозрила ничего сразу. Потому что я уже видела как-то давненько пару раз и случайно СМСки от этого контакта. Там было что-то о поставках кисломолочной продукции.

Обычные, скучные сообщения. Холодные, деловые. Совсем не те, в которых скрывается измена.

Поэтому в дальнейшем я и не думала даже, что это что-то «особенное».

А оно вон как...

Я откидываюсь на спинку стула, машинально гремлю игрушкой Миши, развлекая его. Делаю это на автомате, не глядя, не думая. Руки живут своей жизнью, пока сознание медленно, но верно тонет.

А сама как будто растекаюсь...

Не плачу. Не кричу. Не бьюсь в истерику. Просто расплываюсь, словно меня выключили изнутри.

Я реально понимаю, что я дура. Полная и безоговорочная. Меня дурили... Черт знает сколько.

Это осознание не бьёт резко — оно капает, как вода на камень. Медленно. Беспощадно. С каждым «я не заметила», с каждым «я не подумала», с каждым «я доверила».

Я прислушиваюсь к шуму воды и смотрю в экран. «ООО «Снежок»» больше не в сети. Я кручу переписку. У меня уходит некоторое время, чтобы найти начало. И ей... Почти два года.

Два года, чтоб вас!

Цифра оглушает. Два года — это не ошибка. Не минутная слабость. Не разовый поступок. Это выбор. Осознанный, ежедневный.

У меня внутри как будто что-то рвется. Даже слезы не идут. Просто шок...

Сижу и даже не дышу. Воздух застревает где-то внутри, легкие отказываются раскрываться. Грудная клетка будто сжата тисками, и я ловлю себя на том, что нужно *вспомнить*, как дышать.

Я не понимаю...

Как? За что? Почему?

Вопросы крутятся в голове, сталкиваются, накладываются друг на друга. И ни один из них не имеет ответа, который мог бы хоть немного облегчить боль.

И главный вопрос: что мне делать-то?!

Потому что еще пять минут назад этот вопрос был совершенно иного толку! Он был другой, хоть и похожий.

Пять минут назад вопрос «что мне делать» подразумевал, что мне делать, чтобы спасти брак от разрушения и вернуть былую страсть...

Я же для этого и начала с Артемом этот разговор!

Я хотела сохранить. Исправить. Починить. Я думала, что мы по одну сторону баррикад.

А теперь «что мне делать» неловким движением руки превращается в «что мне делать, чтобы выжить».

Слово «выжить» звучит в голове слишком громко. Слишком окончательно.

И как хорошо, что я вообще начала этот разговор. Потому что если бы я решила вдруг отложить этот вопрос и сделать вид, что я ничего не нашла, то...

Если б я не сказала Артему сейчас, что знаю о его переписке с бывшей, Снежа бы написала ему и сдала меня...

Тогда Артем бы знал, что я знаю. И он бы знал, что я ему солгала. Господи, какое же преимущество Снежа дала бы ему в руки!

Я вздрагиваю от этой мысли. Холодок пробегает по спине. Осознание того, как тонка была грань между «я узнала» и «меня переиграли», пугает до дрожи.

И ведь последнее, что она мне сказала: не говори ему ничего. Тогда почему она так настаивала на разводе?!

Может, потому и настаивала, что сама с ним спит и хочет за него замуж? Но тогда к чему ее «совет» не говорить ничего?

Что за бред?

Она противоречит сама себе... Ничего не понимаю.

А ведь она еще посоветовала не лезть в телефон... И что было бы, если б я реально ее послушала?

От этой мысли мне становится дурно.

Хорошо, что у меня своя голова на плечах, и я редко слушаю чужие советы.

Только это все равно не облегчает мне задачу.

Я ведь сейчас реально живу только за счет Артема и его дохода. Я ведь реально верила, что могу на него положиться. Он же сам меня в этом убедил!

Я вспоминаю, как он говорил это уверенно, спокойно, с тем самым тоном, который внушает доверие. Как будто он — моя стена. Мой тыл.

Два года назад мы узнали, что у моего папы рак толстой кишки третьей стадии. И если бы не Артем — я бы точно не вывезла. Тем более что я тогда уже ходила беременная Мишей.

Эти воспоминания накатывают волной. Больница. Запах антисептика. Белые стены. Слова врача, после которых мир будто сужается до одной точки.

Артем буквально носил меня на руках, холил и лелеял. Он помогал мне и моему папе пройти через все это.

Я не могла бросить папу. Я продолжаю ухаживать за ним до последнего. Если бы не Снежа и Артем, мне и папе пришлось бы намного хуже. Пока я лежала на сохранении, Снежа ухаживала за отцом. А Артем за мной, изредка мотаясь и к папе тоже.

И когда я родила, я уже должна была ухаживать не только за папой, но и за Мишей. Хоть разорвись в такой ситуации, но благодаря Снеже и Артему, я справилась.

Мы справились!

Реально, как семья. Мы и есть семья!

Так я думала...

Эта мысль сейчас режет особенно больно.

Я понимаю, что примерно тогда «все» и началось... Пару лет назад, когда Артем и Снежа ухаживали за папой. И это продолжалось всю мою беременность, роды и по сей день продолжается...

Каждый их «я заеду», каждый «не переживай», каждый совместный ужин теперь выглядит иначе. Словно я смотрю на старую фотографию и вдруг замечаю на ней чужое лицо.

А пять месяцев назад мы узнали, что лечение папе не помогает. Врач сказал, что папе остались «месяцы, а не годы»...

Эти слова до сих пор звенят у меня в ушах.

И когда отец получил обновленный прогноз, Артем настоял, чтобы я уволилась с работы. Он чуть ли не умолял меня!

Но я все равно отказывалась. Было непросто. Где-то помогала Снежа, где-то папа по мере своих сил, которых и так было немного. Но я все равно продолжала работать.

Потому что у нас ипотека же!

Да и как я могла бросить работу? Артему же нужно было помогать... Да и лекарства папины недешевые. И содержание ребенка тоже! На все нужны были деньги.

И я не могла себе позволить бросить работу. Не могла, как будто меня что-то удерживало. Интуиция? Страх? Или банальное желание сохранить хоть какую-то опору?

Но Артем все же меня уговорил, когда мы узнали, что я снова беременна... А папа вообще слег. Окончательно.

Ему становилось все хуже и хуже... Я не хотела, чтобы он проводил свои последние дни в одиночестве.

Поэтому я согласилась через «не хочу» и уволилась.

Благо, что мой бывший начальник дал понять, что как только я буду готова, мне достаточно просто позвонить, мол, для меня всегда дверь открыта. Он оказался душевным человеком и вошел в положение моей семьи.

А Артем меня уверил, что я могу не волноваться.

И еще сказал, что мое увольнение поможет нам сэкономить кучу денег на детском саду, а я смогу уделять время и Мише, и папе.

Да и Снежа помогала тоже...

Боже... Снежа!

Ну как так-то?!

Мы же с ней не разлей вода были... Притом что мы не полностью родные сестры, а единокровные. Как раз по папе. Он у меня единственный родитель.

Мама умерла, когда мне было пятнадцать, а с мамой Снежи он развелся, но остался в теплых отношениях.

Так что мы познакомились как раз тогда, когда моя мама умерла. Снежа стала мне опорой, хоть ее мама меня «терпела издалека».

Я так ценила дружбу со Снежей. Ведь она дружила со мной вопреки недовольству матери...

Поэтому я поверить не могу, что она так поступила со мной!

Я листаю переписку, читаю, фотографирую.

Каждый скрин — как гвоздь. Каждый смайлик — как плевок.

Два года мои самые близкие люди валили мне в лицо...

Как же так...

В голове крутится «я бы заметила», «я бы узнала»...

Но вот, я листаю этот диалог и ничего не понимаю. Не было никаких звончков.

Артем был внимателен ко мне и к Мише.

Он всегда таким и был. Добрый, нежный, заботливый.

Не было никаких поздних рабочих ночей или командировок.

Да и какие командировки? У него магазин свой!

А между ними со Снежей вообще не было ничего, что можно было растолковать как-то двусмысленно. Ни затяжных прикосновений, ни даже взглядов.

Они вели себя так же, как в день, когда я их познакомила.

И как же это отвратительно теперь выглядит в моей памяти, когда Снежа его называла «братишка».

Боже...

Она же спит с ним!

Я вижу это в диалоге. В их флирте... В их фотографиях...

Тех самых голых фотографиях, о которых Снежа меня спрашивала и уточняла насчет переписки Артема с бывшей...

Так он, получается, еще и Снеже изменяет с бывшей!

Господи, вдвойне скотина...

Я понимаю, что я должна сделать. Здесь только один выход.

Развод.

Слово звучит тяжело. Но неожиданно — ясно.

Но...

Я не могу просто взять и сказать: «Я хочу развестись».

Потому что если я начну действовать в лоб, то могу все потерять и оказаться в большой яме.

У меня сын. У меня беременность. Нет работы. Папа лежит и уже не в состоянии мне помочь...

Это все нужно учитывать и действовать с холодной головой.

Но... Прежде, чем я затею развод, я хочу отомстить.

Хотя бы маленькую месть, но сделать...

Не из злобы. Из необходимости. Из желания защитить себя и своих близких.

Я успокоюсь и все подготовлю, чтобы у Артема не осталось и шанса.

Мне плевать, зачем они это сделали. Они сделали и все.

Я всегда была хорошей женой и сестрой. Решала все проблемы, никогда не ныла, всегда поддерживала.

А мне воткнули нож в спину.

После такого я вычеркну их обоих из своей жизни навсегда, будто никогда и не существовали.

Потому что они не только предали меня...

Артем предал нашего сына, а Снежа предала отца...

Они говорили о нем так, будто он уже умер!

И я должна раскрыть глаза папе на его любимую дочь.

Это будет непросто. Но я, черт возьми, это сделаю.

Я знаю, что я выдержу.

У меня просто нет выбора.

Если не ради себя, то ради Миши, папы и своего будущего ребенка.

Я фоткаю все, сворачиваю ватсап, закрываю ноут и откладываю в сторону.

Делаю завтрак, как будто ничего и не видела.

Точнее, я делаю вид, будто я знаю только о переписке с бывшей, раз уж эта информация все равно всплыла.

Но вот об их связи со Снежей я даже не заикнусь.

Я оставляю этот козырь в своем рукаве.

До нужного мне момента я буду хорошей женой... Понимающей женой. Всепрощающей. Доброй и заботливой.

А как момент настанет...
Что ж.
Они сами напросились.

Ягодки мои, несу вам первую рекомендацию на книгу из нашего литмоба "Неправильный развод"

Марта Левина "Развод в 45. Ход Королевы"

<https://litnet.com/shrt/6wZR>

Глава 5. Главная цель.

Артем выходит из душа, одевается и только тогда приходит ко мне на кухню, где я варю вторую порцию каши. Для себя.

Артем подходит ко мне близко-близко, кладет руку на поясницу и склоняется к моему виску, целует.

Я поворачиваю голову, как в каком-нибудь фильме ужасов — медленно, с тяжелым взглядом.

Он всерьез думает, что это сработает?

Артем мягко мне улыбается. Он думает, что я злюсь из-за переписки с бывшей, поэтому он так спокоен и улыбается — думает, что моя злость под его контролем.

Он непривычно оделся в приталенную рубашечку и брюки. Он либо пытается выглядеть солиднее для меня, чтоб я видела, что могу потерять. Либо он такой «красивый» потому что потом поедет к Снеже «все обсудить».

Он пытается казаться круче, чем он есть на самом деле, подчеркивая свою талию широким ремнем. Хотя ее у него давно нет. Когда-то давно, когда мы еще начали только встречаться, Артем занимался спортом в университете и не то чтобы был качком. Все же полюбила я его не за «банки». Но он был подтянутым.

А сейчас... Обычное мягкое пузико, которое он маскирует с помощью одежды.

— Лисичка моя, я понимаю, почему ты злишься... И ты полностью в своем праве.

— Серьезно? — я не удерживаюсь от толики сарказма. Злая ухмылка все равно наползает на мое лицо.

— Да... Прости. Я... Я не должен был этого делать. Просто вчера, ты же помнишь, какой я был злой. На работе все достали и я...

— Ну так и говорил бы, что тебя достали на твоей работе, а не дома. Я здесь при чем? Но нет, ты сказал, что именно я тебя достала. И что Миша тебе спать не дает. Какое вообще право ты имеешь так говорить о своей семье какой-то левой женщине? — я все равно завожусь с пол-оборота, потому что во мне все кипит! И было бы странно, если бы я быстро ему все простила тут же... Пусть думает, что я злюсь из-за бывшей...

Полуправда всегда выигрышнее лжи.

— Лисичка, но она не левая женщина, она...

— Она твоя бывшая!

— Да, она моя бывшая. Часть моей жизни, так же как и ты, и Миша...

— Ага, и ты скучаешь по этой части. Видимо, даже больше, чем по нам, — указываю ложкой на себя и Мишу.

— Ну, не передергивай.

— Я не передергиваю, а указываю на прямой факт. Ты переписывался с бывшей в секретном чате и жаловался ей на нас!

— Да господи, это вообще ничего не значит!

— Да? Тогда какого черта ты с ней хотел встретиться?!

— Да это она предложила!

— А ты не послал ее после первого же сообщения. Хотя должен был!

— Должен? Да с чего бы? Во-первых, я никому ничего не должен, — Артем всплескивает руками, отходит. Злится. Это еще и он злится?! — А во-вторых, я же говорю, она не последний человек в моей жизни. Но это не значит, что я хочу к ней вернуться...

— Ну, еще бы ты хотел...

— Да не хочу я к ней вернуться! Ну, подумаешь немного попереписывался. А секретный чат специально сделал. Потому что подумал, что ты можешь увидеть, не так подумаешь и точно закинешь истерику. И вот! Истерика налицо!

Мое лицо вытягивается помимо воли. Я думала, меня уже этот разговор никак не заденет на фоне той правды, что он спит со Снежей...

Но... Это что вообще такое? Отлично он вывернул!

Я давлю в себе желание закричать и спокойно спрашиваю:

— То есть ты хочешь сказать, я виновата в том, что ты затеял переписку с бывшей и флиртовал с ней, при этом жалуясь на меня и своего сына? То есть я виновата в такой своей реакции на твой флирт с бывшей?

— Нет, ну в таком свете... Умеешь ты извратить невинный факт... Я же не изменял тебе!

Меня аж дергает, словно кто-то невидимый толкает в грудь. Я даже ответить не в состоянии.

Я-то знаю, что он совершенно точно изменяет.

Когда он научился так мастерски лгать?

Я отворачиваюсь. Не могу ему сейчас даже ответить ничем. Меня просто накрывает какая-то волна злости и ощущения несправедливости. Она выедаёт меня как кислота — стремительно.

Пальцы дрожат, поэтому я сильнее стискиваю ложку и столешницу.

А ведь если бы я не залезла в телефон, у него реально были бы все шансы меня успокоить. И из-за чувства любви и привязанности, из-за ощущения опасности остаться одной да еще и с беременностью...

Я бы точно не стала разрушать наш брак. Я бы это проглотила ради Миши и будущего ребенка.

А Артем говорит так, будто все это пустяк. Облапошить для него свою жену, женщину, что его любит и носит под сердцем его второго ребенка — ерундовое дело.

— Послушай, Лисенок, посмотри на меня, — Артем разворачивает меня к себе и заставляет посмотреть в глаза, поднимая мое лицо за подбородок.

— Что?

— Прости меня, Вася. Я не прав. Слабость проявил, признаю. Да бывшая моя всегда была той еще змеей. Мы же и расстались только из-за нее! Ну как... она меня бросила... — Артем пытается перевести все в шутку, каламбурит, словно он на театральной площадке, а не на кухне дома перед женой извиняется. — Видишь, она прям как чувствует! Написала в тот момент, когда я был уязвим. Ну я и сорвался. Я на самом деле так не думаю! Ну неужели ты поверила в эти слова? Да вы же с Мишей для меня самые родные человечки на свете! Я ж тебя люблю, ну! — он все еще держит меня за плечи.

А я стою, держу в руке большую деревянную ложку, измазанную кашей, и думаю о том, что злая беременная женщина должна была позвонить «ООО Снежок». Потому что Артем должен был «со мной поговорить» и, видимо, бросить.

Снежа этого ждала.

Но увы и ах...

Он этого не сделал и сейчас стоит и просит у меня прощения. Почему?

По какой причине?

Ведь сейчас как никогда лучший момент для того, чтобы сказать «милая, давай разведемся, я тебя разлюбил», или «прости, милая, согрешил, давай начнем сначала», или «я полюбил другую», но вовсе ни слова, что произнес Артем.

«Я ж тебя люблю, ну» — как будто то, что я в этом сомневаюсь, полнейшая глупость.

Так почему он не уйдет от меня?

Реально любит?

Сомневаюсь. Когда любят, не произносят подобных слов своим бывшим. Когда реально любят, не поносят своих детей. Когда реально любят, не обманывают годами...

— Милая, ну не молчи! Смотри, — Артем отпускает меня, кидается к ноутбуку, — вот! Я удаляю! Это больше не станет причиной наших размолвок. Этот диалог для меня ничего не значит! — Артем поворачивает ко мне ноут экраном и показывает, как щелкает на кнопки. Показывает, как удаляет диалог с «Боссом». — Это была моя большая ошибка. И я больше никогда так не поступлю!

Как интересно он подтер следы своего маленького «преступления». Прямо у меня на глазах. Не придерешься.

Так, Василиса... Сейчас главное — не ошибиться самой.

Помни — твоя главная цель отомстить и остаться в плюсе.

— Не думай, что я прошу тебя по щелчку пальцев, — выдаю хмуро, а Артем сияет. Он же этого и добивался. И надо пользоваться моментом. — Только это всего лишь секретный чат. Он удалится бы так и так. Открой при мне телефон и покажи, что у тебя нет ни с «боссом», ни с Мариной, ни с кем-то другим никаких других чатов в других приложениях.

Глава 6. Пароль.

— Ну, Лисенок... — морщится Артем. — Я же...

— Доверие нарушено, Артем. И восстанавливаться оно будет долго. Не без твоего содействия.

Он тяжело вздыхает. Я вижу, что он не хочет, но он все равно тянет улыбку.

— Конечно, Вась. Мне больше нечего скрывать. Сейчас принесу телефон, — я тяну улыбку и иду за ним, и раздражение прорезается в Артеме. — Боже, Василиса! Ну, ты что, настолько мне не доверяешь теперь?

Я не отвечаю. Бью его своим молчанием. И он психует:

— Ладно! Боже... Я и не подозревал, что ты настолько вьедливая...

Ага. А я не подозревала, что ты такой лживый кусок... кое-чего вонючего.

Он берет телефон со стола и разблокирует. При мне. Я наблюдаю.

Цифры: двадцать ноль восемь двадцать три.

А раньше была дата рождения Миши. Что за пароль такой?

Надо запомнить.

Проговариваю про себя несколько раз, не совсем всматриваясь в экран. Я то знаю, что там у него нет больше диалога с Кариной. И диалог с «ООО «Снежок»» он спокойно проматывает, не боясь, что я замечу.

Да и что ему нервничать? Название контакта максимально рабочее, я его уже видела, он об этом знает. Да и последнее его сообщение, которое видно «Все. До связи».

Ну, кто здесь заподозрит?

Правильно. Никто.

Особенно в атмосфере тотального доверия. И без каких-либо намеков. Вот я и не заподозрила раньше. И раз он так смело сейчас при мне все это делает, значит, он умеет держать лицо... Он умеет врать.

Он прямо сейчас это делает...

Получается, я совсем не знаю своего мужа.

— Видишь? Нет больше никаких диалогов. И не было. Я просто ошибся один раз, — говорит Артем, уже не улыбаясь. Как будто ему уже надоело поддерживать эту маску балагура. Видимо, тяжело ее держать, когда я не начинаю играть в эту же игру под названием «ничего страшного».

Но я не собираюсь в нее играть. Я буду играть в другую, в свою.

Я поднимаю взгляд и едва тяну уголки губ. Дергаю ими, давая ему понять, что я удовлетворена и готова пойти на примирение. Я даю ему понять, что ему удалось меня обыграть и притупить мои чувства.

И... он тоже улыбается в ответ. Напряженно, но тянет улыбку.

Так и стоим несколько секунд, а потом он тянется обниматься. Кто бы знал, что мне стоит принять его объятия, которые теперь меня душат.

— Прости, родная... — он бубнит мне в шею, гладит по спине. — Я чуть не потерял тебя.

Я чувую, как кислая слюна собирается во рту от его слов. Меня буквально тошнит от его лжи. Может, мне одной кажется, но воздух между нами словно пропитался гнилью...

— Тебе нехорошо? Боже, Вася, тебе не стоит больше так волноваться. Ну, подумаешь, бывшая написала...

Я кидаю на него красноречивый взгляд. Интересное у нас общение. Сплошной монолог. А мне и не хочется с ним говорить. Кажется, что если я сейчас открою рот, то я не удержусь и выскажу ему все.

Но мне нужно сдержаться...

Нужно. Просто жизненно необходимо вытерпеть эту боль от предательства. Хотя очень хочется выпепить ногтями в его лицо, закричать, что все знаю, потребовать немедленно развода и алиментов...

Но... этого мало. Я понимаю, что когда я остыну, мне этого будет мало.

— Токсикоз, — все-таки выдавливаю из себя. — Я сейчас... Присмотри за Мишей.

Я иду в ванну, закрываюсь и открываю кран. Шум воды заполняет пространство, заглушая противный писк в ушах. Горячий пар поднимается, обволакивает меня, гладит по коже, успокаивая бегающие туда-сюда противные мурашки.

Я достаю телефон из кармана домашних брюк и залезаю в «ВК». В друзьях у Артема я нахожу Карину.

Красивая... Такой немного острой, хитрой красотой какой-то. Глаза у нее раскосые, волосы темной волной по спине выются... Брови, ресницы сделаны, губы однозначно накаченные, и кожа такая, что сразу становится ясно - ходит к косметологу и вкладывает в это немалые деньги.

Грудь... Не знаю, настоящая ли, но большая.

Я открываю профиль Снежи...

Знаю, что так лучше не делать. Что лучше не сравнивать себя ни с кем, но остановиться не могу. Мне надо понять, что не так. Чем зацепили Артема они? И чем оттолкнула я?

Я обычно не обращала внимания, но Снежа же тоже делает ресницы. И в губы она себе уколы ставила. Немного, но есть чуть-чуть филеров. Сейчас это все очень аккуратно делают, особенно если мастер хороший. И если не перебарщивать, то очень красиво смотрится.

У Снежи как раз они очень мягкие, аккуратные, бантиком... И ресницы она делает, и брови...

Я выключаю телефон.

Зеркало запотевает, я больше не могу видеть себя в отражении. Я упрямо стираю конденсат и всматриваюсь в свое отражение. Самое простое лицо.

Не красавица, но и не дурнушка. Всегда была самой обычной. Только отношение Артема дарило мне уверенность в том, что я особенная. И я старалась для него быть той самой особенной.

Ходила иногда к косметологу поделаться масочки. К парикмахеру стрижку сделать и уход. Пусть нечасто, но я за собой следила всегда! Я постаралась вернуться в форму после родов. Конечно, я уже не стала той же тоненькой стройняшкой, что была. Небольшой животик и бока появились. Да и целлюлит никуда не уходил...

Но это же норма!

И Артем всегда говорил, что я для него самая красивая. Я таковой себя и ощущала... притом что у меня от недосыпа синяки под глазами, волосы сегодня немного грязные и морщинки на лбу. Тонкие, но есть. Потому что мимика у меня живая!

Я хотела себе уколоть немного ботокса. Мне однажды дерматолог намекнула, что, мол, пора уже... «Чтобы заломы дальше не увеличивались, сделайте». Но Артем что мне сказал?

«Фу, не надо! Не люблю искусственное! Ты и так прекрасна в своей естественности»

И так на все: ресницы — фу. Губы — фу. Брови — фу.

Так, может, я сама для него фу? В своей естественности...

Ну, если он спит и флиртует с «деланными» девушками, а со мной такой всей обычной а-ля натурель не хочет? У нас ведь и секса-то нет по сути уже месяца три.

Хотя я не была против. Артем же говорил: «Не надо! Ребенку навредим!». Тогда я думала, что он обо мне заботится. Мол, боже мой, как мило.

А сейчас... А сейчас понимаю, что ему тупо не надо было. У него на стороне все схвачено, а я обойдусь.

— Вась, ты там норм? Я погнал на работу. Выходи, а то Миша тут один...

Я прикрываю глаза.

Вот это забота...

Выключаю воду, выхожу. Артем клюет меня в щеку и улетает в прихожую обуваться. Я же подхожу к плите.

Каши нет. Кастрюлька пустая.

— Ты что, съел всю кашу?

— Ну, да! — кричит мне из прихожей.

— Это была моя.

— Так у тебя же токсикоз! Все, я улетел! До вечера!

Дверь хлопает, и я остаюсь один на один со своими чувствами, голодом и сыном. Ну, хоть сын сытый...

Сердце колотится как бешеное, а я просто стою, вертикально вибрирую в пространстве, не в силах что-то начать делать. Миша в манеже требует внимания, посуда в раковине ждет, пока ее помогут.

Вместо этого я достаю телефон, смотрю на время. Девятый час. У меня примерно двенадцать часов, чтобы успокоиться и продумать свои действия до мельчайших деталей.

Главное на данный момент — я добыла пароль. А остальное — дело времени. Я умею ждать. И я подожду тебя, дорогой...

Ягодки мои, приветствую!

Не забывайте ставить книге лайк, если она вам понравилась.

Если не понравилась, все равно ставьте, а свое честное мнение, почему не понравилась, смело высказывайте в комментариях. Только попрошу без жестких спойлеров.

Обняла, приподняла:*

Глава 7: Другая Василиса.

Василиса

Я бы могла сказать, что предстоящий развод — это самый сильный «шторм» в моей жизни. Но нет. Я не могу так сказать, потому что самое сложное я уже пережила — смерть мамы в пятнадцать лет, столкновение с тяжелой болезнью папы.

Развод на фоне этого кажется сущей неурядицей.

Вообще, все на фоне смерти близких кажется ерундой. Но все равно, несмотря на все эти тяжелые события, мне больно.

То, что я пережила в прошлом и переживаю сейчас болезнь папы, не умаляет боли от предательства любимого человека... Я все равно живой человек и все еще чувствую.

И то, что я чувствую, сложно описать словами. Это сможет понять лишь тот, кто уже однажды испытал предательство близких.

И, черт возьми, я это переживу. Я не имею права раскисать и тонуть в жалости к себе.

Сегодняшнее утро я провела необычно. Я составляла план.

После того как Мишутка проснулся, а список был составлен, я позвонила папе, чтобы предупредить, что я завтра приеду в гости. А на сегодня у меня запланирована крайне важная операция.

Операция под названием «влезть в шкуру бывшей».

Плюс, я дождалась врача. Она осмотрела сына, послушала, выписала лекарства, сказав, что это всего лишь обычная простуда. Ничего нового она мне не сказала, но перестраховаться было нелишним. Здоровье моих детей это не тот вопрос, который я пушу на самотек.

После того как проводила врача, я уселась вместе с Мишей искать способы по осуществлению своей маленькой мести. У меня были кое-какие наметки, как ему отомстить так, чтобы самой себя не раскрыть.

И в течение дня мой план полностью укрепился.

Вечером я уложила Мишу раньше, так как он был квелый и уставший, много капризничал, но это нормально для его состояния. А потом, как «добропорядочная» жена, я заказала доставку готовой еды из ближайшей кафешки и сделала вид, что сама это приготовила.

Так что, когда Артем возвращается с работы, я готова.

Я подкручиваю свои «настройки» лица на «все еще немного расстроена, но уже отошла» и продолжаю сидеть на кухне с документами.

Дверь хлопает, я слышу шуршание одежды, стук подошв снятых ботинок. Артем проходит сначала в спальню, переодевается в домашнее, а потом уже приходит ко мне.

— Привет, Лисенок, — он встает у окна, смотрит куда-то с видом хозяина плантации. — Ну, как ты?

— Все нормально.

— А что у нас пожрать есть? Голодный как волк...

Я поднимаю все-таки на него глаза и даже дарю ему скупую улыбку. Кто бы знал, чего мне стоит ему улыбнуться.

Внутри корежит только так.

— Ну не зря же ты Волков, — холодно улыбаюсь. — Котлеты и пюре. В холодильнике.

— Чет я задолбался сегодня. Разогреешь? — закидывает он привычную удочку. — А я пока пойду Мишу гляну...

— Нет, — отрезаю. В полной тишине Артем замирает от моего тона и медленно разворачивается с удивлением в глазах. — Миша спит. Ты его можешь разбудить, а мне его сон стоил полутора часов укачивания. А еду... — я кидаю взгляд на плиту, — ...разогрей сам. Я занята.

Артем вскидывает брови, явно не ожидав от меня таких слов и вообще такой реакции. Конечно.

Я же все время была идеальной женой. Артем устает на работе и не в силах сам себе положить еду? Замарался на работе? Устал и не может встать ночью к сыну?

Все в порядке. Василисушка все сделает. Как в сказке. Все появляется по волшебству, а Артем встает с утра и все готово!

Василиска накормит, обстирает. Сама встанет к сыну. Ведь это ее работа — быть матерью и женой. Она это должна делать, а не Артем. У Артема своя главная задача — содержать семью. Только работа и ничего больше.

Ну...

Разве что только одна небольшая интрижка на стороне... Так, ничего особенного. Малюсенькая такая интрижечка.

Такая малюсенькая, что аж незаметная. И поэтому он легко на нее находит время целых два года. И, конечно, откуда тут взяться силам на семью?

Я все понимаю...

— Это чем это ты таким занята? — я слышу, как его тон незаметно меняется: накручивается. — Я целый день работал, как вол, а ты...

— Читаю условия размещения папы в хосписе. Нужно выбрать лучший.

Я обрубаю его на старте и это срабатывает. Артем моргает и моментально «остывает», так и не успев должным образом завестись. Уж не знаю, что именно он хотел сказать после «а ты», но я лишила его такой возможности.

Он буквально сам себя заставляет сменить тон. Я это слышу.

И ведь я даже не соврала ему. Я действительно смотрю три варианта условий пребывания в разных хосписах.

— Твой отец звонил?

— Да, мы сегодня созванивались. Обсуждали как раз вопрос его скорого переезда в хоспис. Снежа сказала, что больше не может за ним следить. У нее работа. А я не смогу его поднять, если вдруг он снова упадет в обморок. Ему нужен профессиональный уход... К сожалению. Завтра поеду к нему, — заканчиваю сдержанно.

Я чувствую себя ужасно. Словно прикрываюсь отцом. Хоть это и не так, но все равно меня не покидает это чувство.

Просто я знаю, что Артем не станет развивать ссору после того, как я упомянула отца. Он ведь так долго создавал свою роль идеального, понимающего и поддерживающего мужа, что вряд ли станет сейчас продолжать гнуть свою линию.

А мне только это и нужно.

Оставить теплую отстраненность между нами, на фоне утреннего происшествия, но при этом иметь причину не обслуживать Артема. Потому что я не могу этого делать.

Больше нет...

Извините меня, но кормить мужа, который мне изменяет?

Это выше моих сил. Пусть сам себя кормит. Или пусть его кормит Снежа. Она ведь мне так больше и не позвонила. И не написала.

Мне вот интересно, о чем они договорились за моей спиной?

Очень интересно...

— Оу, — наконец, выдает Артем и все-таки идет к холодильнику. — Конечно, хорошо, езжай. Это дело очень важное...

— Ага. Мне нужны будут деньги.

— На хоспис?

— Да.

— А разве из пенсии отца...

— Она ушла на коммуналку, еду, лекарства и обезболивающие.

— Ладно. Понял... Эм... Понимаешь, сегодня поставщики одни неожиданно нагрянули. У них там сменилось руководство, и они поменяли систему работы, поэтому эм... Они приехали, и я им отдал свои свободные средства, — я разворачиваюсь и внимательно смотрю Артему в глаза. Он как ни в чем не бывало продолжает. — В общем, у меня сейчас нет денег. Ну, как... на житуху нам с тобой всегда есть. Как обычно, — он усмехается. — Но скоро обязательно продадим товар, и деньги будут.

Я прищуриваюсь. Артем отворачивается к содержимому холодильника. На губах играет уверенная улыбка. Он по-простому чешет шею, раздумывая, что взять в холодильнике. Вроде как все в порядке.

Только я вижу, что думает он о другом. В холодильнике не так много, что можно взять. Собственно, самые большие предметы в холодильнике — это сковородка с котлетами и кастрюля с пюре.

Так что мыслями он далеко не в холодильнике.

Другой вопрос — где?

Артем продолжает стоять, и холодильник начинает пищать.

Мерзкий звук, предупреждающий о том, что дверцу нужно закрыть.

Пик.

Действительно ли Артем раздумывает, как бы побыстрее реализовать товар, чтобы достать денег на хоспис для папы?

Пик.

Или же, он думает еще о чем-то?

Пик.

Что-то мне подсказывает, что это именно второй вариант.

— Неужели все свободные деньги в одного поставщика вложил?

Раньше я никогда не ставила под сомнения его рабочие дела. Но сейчас я сомневаюсь буквально в каждом его слове. Если он врал в одном, то он может врать абсолютно в чем угодно. Во всем.

Пик.

— Ага. Да. Лисенок, что мы о работе? Давай не о ней. Я и так весь день в ней был. Расскажи лучше, как твой день прошел? Что делала?

Пик.

Я смотрю на него снизу вверх.

Что я делала?

О, милый, не поверишь... Занималась многими очень интересными вещами.

Пик.

Раньше он тоже так делал. И я считала, что это так мило с его стороны, что он не хочет нагружать меня финансовыми проблемами, и что хочет знать, как прошел мой день. И еще я считала, что действительно нужно разгружать его, отвлекать от рабочей суеты.

А сейчас...

Пи-ик.

Все поменялось.

Теперь этот невинный, по сути своей, вопрос лишь укрепляет во мне уверенность обмана. Артем так отвлекает меня от важных вещей.

Первое — от денег.

Второе — от чего-то важного, что произошло днем, куда эти деньги ушли.

Потому что я точно знаю, что у него были деньги еще вчера. Чуть больше ста тысяч «свободных» денег. Их бы с лихвой хватило на хоспис для папы.

Пик.

Так что же случилось сегодня днем?

Пик.

Пик.

Пик.

Этот чертов писк буквально нагнетает давление в моей голове и... во мне что-то окончательно ломается, а потом собирается во что-то другое.

Другую Василису. Сборка 2.0.

Я встаю. Привычным движением тяну губы в улыбку и кладу руку на плечо Артему. Я даже сама от себя удивляюсь, с какой непринужденностью я начинаю играть свою роль.

— Давай я все-таки тебе разогрею. Бумажки подождут. Садись. Ты наверно устал, дорогой. Сейчас поешь и пойдешь отдыхать. А я посижу с бумажками.

Артем с облегчением уходит от холодильника, забывая свой вопрос «как прошел твой день».

Я грею еду, ставлю тарелку перед мужем, наблюдаю, как он ест. Потом провожаю его в спальню, укрываю и хладнокровно ухожу, прикрыв тихо дверь.

Я сижу в кухне и жду. Через час я встаю и иду в спальню. Обхожу кровать и встаю рядом с Артемом.

Я осторожно склоняюсь над ним, замирая, когда Артем тихо всхрапывает. Телефон уже привычно стоит на зарядке и лежит под его подушкой.

Задерживаю дыхание, берусь за провод и медленно тяну телефон за провод...

Глава 8: «Привет. Ну что, все в силе?)»

Я тяну телефон за шнур, ощущая, как во мне все бурлит от напряжения. Каждый нерв словно натянули над раскаленной лавой и пустили по ним ток. Но я должна оставаться хладнокровной.

Я смотрю в безмятежное лицо Артема, а сама тихо вытаскиваю телефон. И тут он «застревает», так как Артем лежит на подушке и невольно давит на телефон. А шнур с тихим щелчком отсоединяется.

Моя напряженная рука по инерции дергается в сторону и задевает тумбу.

Меня словно кипятком обдаёт!

Я замираю, тут же кидаю взгляд на глаза Артема.

В идеальной тишине он переворачивается на спину и замирает.

Я беззвучно ругаюсь и выдыхаю.

Пронесло!

Лезу рукой под подушку и достаю телефон. Тихо выпрямляюсь и так же тихо, как и пришла, ухожу.

Я закрываю за собой дверь в спальню и на кухню тоже. Сажусь на стул у окна и на минуту перестаю шевелиться. Просто дышу.

Мне и так не просто на пятом месяце беременности. Тяжесть в желудке, ноги тяжелые, словно водой кто накачал... Хотя видимых отеков нет, а все равно тяжело. Вторая беременность дается мне сложнее, чем первая...

А сейчас, после такого стресса у меня сердцебиение участилось наверно раз в тридцать! Бьется, как сердечко маленькой пташки, с невообразимой скоростью. И мне приходится дать себе «перекур» в несколько минут. Чисто, чтобы дыхание перевести.

Первый пункт плана дался мне непросто...

Но все-таки я выдыхаю, беру себя в руки и приступаю ко второму пункту.

— Двадцать, ноль восемь, двадцать три, — бормочу как заветную мантру и... — Да! — яростно шепчу и с улыбкой выдыхаю.

Да! Получилось!

Сначала я залезаю в ватсап.

Листать не приходится вообще. Диалог с «ООО Снежок» самый первый. Ха!

Я открываю и углубляюсь в чтение. И хоть я знаю, что Артем обычно спит как убитый, его даже плач Миши не будит, а сейчас все равно сердце трепещет в груди от страха быть пойманной. Но я действую дальше.

После последнего сообщения Артема «Все. До связи» они целый день не переписывались.

А потом снова идут СМС от Артема.

«Снежа, блин, открой дверь или возьми трубку.»

Снежа, не будь упрямой.

Ты же должна была уже отойти.

Нам надо поговорить»

И на этом сообщении, видимо, Снежа решает все-таки проявить себя:

«С бывшей поговори. А лучше с нынешней. Тебе с ними куда лучше, чем со мной, раз ты не разводишься с Васей и флиртуешь с Мариной!»

«Боже, Снежа, ну давай ты еще мне мозги поделай...»

Мне хватило сегодня от Васи нервотрепки! Вы женичины такие странные! Как придумаете себе черт знает что на ровном месте».

«Так значит на ровном месте Вася выдумала весь твой диалог с бывшей? Ей как будто большие заняться нечем, кроме как выдумывать всякую фигню и ЗВОНИТЬ мне.»

«НЕТ. Открой дверь и я все объясню»

«Не ори на меня! Да не могу я открыть дверь! Папа еще не спит!»

«Ну так дай ему снотворное, как обычно. Боже, мне что учить тебя?»

«Все равно нет. Видеть тебя не хочу. Твои обещания ничего не стоят».

«Вот как? Совсем ничего не стоят?»

«А я думал, ты сама оценишь мое обещание подарить тебе айфон...»

«Врешь»

«Открой дверь и сама увидишь. Ну, либо я поехал в магазин и сдам его обратно».

«Любой каприз за ваш отлиз, сударь. Вы провинились»

«Естественно, сударыня»

«Подожди пятнадцать минут. Папа уснет, и я впишу тебя»

«Надеюсь, не только в дверь»

Я вижу дурацкий смайлик с многозначительной улыбочкой и откладываю телефон, словно только что вытащила его из туалета, в котором не смыли.

— Буэ, — кривляюсь сама с собой, пытаюсь как-то это пережить.

Что называется: «что я только что прочла» и «мои глаза»...

Последнее СМС в семь двадцать две... То есть не так давно мой муж побывал в гостях у Снежи. И я даже не хочу задумываться о том, где еще у Снежи он побывал...

Фу!

Значит, Снеже он подарил айфон в качестве извинений и... зализал свою вину.

Предположительно.

Фу... даже думать об этом не хочу.

А мне он подарил... ммм... Слова.

А. И еще кашу мою съел.

А что? Жена же все стерпит. И никуда не денется. С дополнительным-то грузом в полтора ребенка!

Вот сволочи!

Боже мой, Снежа усыпляла его снотворным специально, чтобы помиловаться с Артемом! Сколько раз они проворачивали этот трюк?!

Я выдыхаю возмущенно воздух через нос и закрываю ватсап. Захожу в Телеграм. Листаю, проверяю.

Нет, диалога с Кариной действительно нет. Либо он удалил. Либо снова был секретный чат...

Это я уже узнать не могу, но ладно — разберусь по ходу.

Я захожу в контакты и с пониманием улыбаюсь. Диалог-то он удалил в секретном чате, а контакт «Босс» как был, так и остался!

Нет, ну, каков все-таки наглец...

И ладно! Мне же лучше.

Жму «править» контакт и вношу вместо ее номера... свой. Рискованно? Да. Очень.

Но, во-первых, Артем не помнит мой номер наизусть, а во-вторых, вряд ли он полезет проверять и сравнивать что-то в карточке контакта. Это не очень стабильно и самый слабый момент в моем плане, но я все равно иду на этот риск.

Вбиваю номер, жму «сохранить» и лезу уже в свой телефон. Кусая губы, сначала захожу в свою галерею и нахожу тот самый диалог, который он удалил при мне.

Ищу место, на чем они закончили.

Так, так, так, вот он нужный скрин, Артем жалуется ей на меня...

«Лиса сейчас беременна, ей не до меня». Бла, бла, бла... «отношения давно остыли и дрожат, как холодеи»...

«Я буду рад просто пообщаться. Немного женского внимания никакому мужику не повредит».

Листаю следующую фотку и вчитываюсь дальше в ее ответ:

«Оу, вон как... Слушай, ну... Давай тогда на днях спишемся, ок? А то у меня сейчас работа и куча дел».

«Да, без проблем. У меня тоже куча работы. Ты мне маякни, как будешь свободна».

«Ага».

Хм... Я, конечно, далека от бизнесвумен и уже давно ни с кем толком не флиртowała, но что-то мне кажется, что конец их диалога уже не такой романтический.

Карина как будто бы резко слилась. Или мне показалось?

Хм... в любом случае мне нужно перестраховаться и заблокировать ее номер в Телеграме, чтобы, даже если она вдруг снова решит написать Артему, она не смогла этого сделать.

Снова лезу в телефон Артема, копирую себе ее телефон на всякий случай (мало ли), блокирую ее номер у мужа и захожу в свой аккаунт Телеграм.

Так...

Теперь я могу с чистой совестью писать собственному мужу от лица его бывшей! Мне нужно выстроить диалог так, чтобы он ничего не заподозрил и повелся.

Так-так-так...

Хватаю телефон и печатаю, закусив язык от усердия:

«Привет. Ну, что, все в силе?»

Осталось дождаться его ответа...

Ягодки мои, доброе утро!)

Приглашаю вас в свежее испеченную новинку Панна Мэри - *"После развода. Новое счастье в 40"*.

Ее история участвует в том же литмобе "Неправильный развод"

Первая глава: https://litnet.com/shrt/J26_

16+

Глава 9: "Так почему ты все еще с ней?"

«Привет. Ну, что, все в силе?»

«Доброе утро, красотка. Конечно!»

Читаю, вглядываясь воспаленными от недосыпа глазами. В них как будто песок насыпали. Но я все равно стоически вглядываюсь в экран заблокированного телефона.

Мне пришло уведомление буквально минуту назад. Я даже вздрогнула, когда мой телефон неожиданно завибрировал в кармане пижамных штанов.

Сонная, я смахиваю сообщение с экрана, чтобы, не дай бог, Артем не увидел случайно уведомление. Ну а вдруг? Мало ли. Перестраховываюсь!

Ночью я долго не могла уснуть, слушая, как Артем рядом сопит. Телефон я вернула на место под подушкой так же, как и взяла его оттуда. Но я слишком переволновалась, чтобы быстро уснуть.

Да к тому же Миша проснулся в три часа ночи от кашля и пришлось его укладывать обратно. А с утра он проснулся раньше обычного, и мне вновь не удалось нормально поспать...

Артему же... хоть бы что! Спал как убитый. А с утра проснулся бодренький, свеженький, довольный. И сразу в душ, как обычно.

И оп, вы посмотрите, мне прилетает СМС:

«Доброе утро, красотка. Конечно!»

Я хмыкаю... «Конечно!»

Конечно...

Конечно?

Конечно!

Вот гад!

Только вчера клялся, что никогда больше! Ни за что!

Ох, он же чуть не потерял меня...

Тьфу! И растереть.

А кстати...

Смотрю в чашку кофе, что налила себе. С молоком. Кофе как будто манит меня...

Склоняюсь, шевелю губами, языком, собирая побольше слюны, и аккуратненько так плюю прямо в чашку. Тут как раз и дверь в ванну открывается. Артем выходит, вытирая голову на ходу.

— Ух, как пахнет вкусно! Что на завтрак? Каша? Обожаю... М, что за красотка стоит тут, соблазняет меня, а? Как насчет глубокого французского? Я уже умылся, — Артем подходит ко мне, словно валяжный кот, обожравшийся сметаны. Распаренные щеки лоснятся, глаза блестят, как во время пьянки.

— Лучше прими крепкого арабского, — всучиваю ему свою кружку кофе с молоком, и с... маленьким секретным ингредиентом. — Тебе же проснуться надо для работы. Держи, для тебя специально сделала, — улыбаюсь. — С пенкой. Как ты любишь.

Он берет и делает щедрый такой глоток.

— М-м-м, сладкий. И ты тоже! — он все же чмокает меня в щеку и отворачивается.

И слава богу, потому что меня внутренне передергивает, но я все же улыбаюсь. И сейчас уже вполне искренне и довольно.

По классическому сценарию я провожаю мужа на работу. Ну, или куда он там сегодня реально поедет...

Артем уезжает, я остаюсь с Мишей и с предвкушением беру телефон. Открываю сообщения в Телеграме.

— «Привет. Ну, что, все в силе?»

— «Доброе утро, красотка. Конечно!»

— «Отлично. Мне, как девушке, тоже не повредит чуточку мужского внимания. А то эта работа хоть и приносит большие бабки, но еще она приносит одиночество. Ты не представляешь, сколько альфонсов крутится вокруг меня», — и дурацкий смайлик с хитрой многозначительной улыбочкой. Карина их ставила, и Артем тоже любитель.

Такое должно прокатить. Она ведь какая-то бизнесвумен...

«Слушай, разве у тебя нет никого нормального вокруг? Не поверю, что у такой, как ты нет достойного мужика».

Ой. А что это мы интересуемся? Что это мы спохватились?

Задумываюсь... Вроде бы исходя из той переписки, что у них была, я могу сделать вывод, что у нее никого нет.

Да и в целом, без разницы. Мы играем в свою игру.

Отвечаю:

— «Нет. Был один. Ты его вроде даже знаешь. Учились вместе. Но... как-то не получилось ничего»

— «Это потому что он тебе вообще не подходит. Его, скорее всего, интересовали только твои деньги, как и остальных».

— «Откуда ты знаешь? Я же не сказала, кто это был».

— «Знаю. Потому что сам много зарабатываю. Я тебя понимаю. Для тебя нужен особенный мужик».

— «Это какой? Неужели ты знаешь, кто мне подходит?»

— «Знаю. Нормальный мужик, который бы смог позаботиться о тебе и зарабатывал бы столько же или даже больше».

— «Знаешь таких?»

— «А вот сейчас обидно было».

Ха. Точку поставил. Тоже мне, обидели мальчика.

Три раза «ха» на счет «много зарабатываю». Бизнесмен чертов. Последние сто тысяч потратил на любовницу. И как потратил? Телефон купил! Дешевые понты.

Ну... точнее, дорогие. Эти понты очень дорогие. Они дорогого стоили как в прямом, так и в переносном смысле.

Я спрашиваю его «В смысле?», но он не отвечает мне довольно долго... А потом все-таки Его Величество соизволило мне ответить.

— «В прямом. Обидно, что ты мне сама написала, хотя я уже не надеялся на продолжение разговора, но не считаешь меня нормальным мужиком».

— «Ну...»

Я кусаю губы... куда-то немного не туда вырулил разговор. Надо возвращать ему веру в «меня». Ну, то есть в Карину...

Я давлю в себе улыбку, поглаживая Мишу по голове.

— «Что «ну»?»

— «Ну, я же понимаю, что ты женат и у нас ничего не может быть. Чисто пообщаться же встречаемся»

Хм... Я как будто бы даю Артему сейчас нехилый такой шанс на реабилитацию. Что ответит?

Я вижу три мигающих точки... он печатает.

И мне тут же прилетает СМС.

— «Воу...!»

Прям удивила. А чего бы ты хотела?»

— «Какая разница?»

И быстро добавляю дальше:

— *«Я все равно этого не получу. Я профукала свое счастье»*

Я фыркаю, когда отправлю это. Если он реально на это поведется...

— *«Я могу стать для тебя этим счастьем»*

Я смотрю на экран, и улыбка расплзается по лицу сама собой, а следом из меня вырывается и смех.

Я могу стать для тебя этим счастьем?

Я откладываю телефон и прикрываюсь подушкой, чтобы не напугать Мишу своим диким ржачем.

Господи, боже мой! Он реально хотел склеить Карину этим?!

Я вновь беру телефон и пишу ответ. Потому что моя «Карина», конечно же, только этого и ждет.

— *«Как? Ты же женат!»*

«Ты любишь свою жену?»

«Как думаешь, я отвечал бы тебе, будь это так?»

Улыбка пропадает с моего лица.

А вот это уже не смешно. Одно дело догадываться, и другое дело получать лукавый, изворотливый, но ответ.

Он меня не любит...

Я уже думала, что все — сердце остыло, я обратилась в железную леди, и меня уже ничем не проймешь... Однако выясняется, что это не так.

Его слова ранят меня. Задевают за живое.

Не должны любимые такого делать... Не должны...

Но.

Мне же проще. Артем сам лишает себя шансов на хороший исход. Господи, да о чем я? Даже на просто «удовлетворительный».

— *«Боже...*

Я не думала, что все пойдет так далеко, когда писала тебе. Я думала, что ты пошлешь меня...

Но я так больше не могу»

— *«Что именно?»*

— *«Столько лет уже прошло, а я все не могу забыть тебя»*

— *«Правда??? Ты сейчас не врешь?»*

Да, конечно, вру, хороший мой! Нужен ты Карине, как собаке пятая нога. Она тебя слила и больше тебе не написала. И надеюсь, не напишет. Но это мы уже и не узнаем. Я кусаю губы, обдумывая следующие слова.

— *«Правда. Я часто вспоминала нас. И то, как бросила тебя... Я совершила большую ошибку!»*

— *«О боже мой, Карина!»*

И следом добавляет:

— *«Я тоже думал о тебе!»*

Вот гад... он еще и продолжает. Чем дальше он пишет, тем сильнее бьет меня в самое сердце. Словно каждое сообщение — это гвоздь в гроб наших отношений.

— *«Я жену свою вообще уже не воспринимаю... Она не следит за собой, после родов расплылась. Пилит мне мозг».*

Я не отвечаю. Читаю.

— *«Ей от меня только деньги и нужны! Поэтому я тебя очень понимаю... Она тебе и в подметки не годится»*

Я прикрываю глаза. Беру паузу в пару секунд, а потом набираю еще один вопрос, который для меня тоже очень важен. Хотя я сомневаюсь, что он ответит честно. Он ведь «ей» откровенно вешает лапшу...

Сначала я просто хотела сделать ему свою маленькую месть, сказав от лица бывшей, какой он никчемный и жалкий предатель. И еще что-нибудь добавить, мол, как ты можешь так вести себя при жене, что, мол, «Карине» противно и все такое...

И еще думала сказать ему, мол, Карина там что-нибудь пробила по базе какой-нибудь, неважно какой... Главное, что я ему от лица Карины сказала бы, что никакой он не бизнесмен крутой, а просто торгош на рынке!

Поэтому у нас и денег нет, что все уходит в «бизнес» и ипотеку. И на жизнь остается не так уж много. Что и говорить, если мы даже новый компьютер позволить себе не можем.

Чтобы он почувствовал себя гадко, как и я. Это знатно ударило бы по его самолюбию.

Но теперь придумую что-нибудь покруче, чтобы у него поджилки затряслись основательно.

Но прежде я отправляю ему вопрос, который меня гложет:

— «Так почему ты все еще с ней?»

Ягодки мои, приветствую вас) если история вам нравится, не стесняйтесь комментировать, не жалейте звездочек и подписывайтесь, чтобы не пропустить новые главы. Вам не сложно, мне приятно, а для продвижения книги очень полезно. Спасибо!

Василиса и Артем.

Доброе утро, ягоды мои сладкие! Встречайте наших главных героев, Василису и Артема (тьфу тьфу ему на макушку).

Василиса, мама двухлетнего Мишутки, домохозяйка, 27 лет. Офигенно варит кофе ##

Артем, офигевший во всех смыслах муж, 30 лет, "бизнесмен".

Глава 10. "Адвокаты про"

«Так почему ты все еще с ней?»

«Так мы же уже обсуждали.

Если я подам на развод, она меня засудит, все отберет. Она тот еще тиран в юбке. Она способна на все, что угодно. Поэтому я к тебе и обратился. Ты моя последняя надежда. Просто сбежать я не могу. И у нас же ребенок. Я не могу его оставить с ней.

Я не такой».

— Чего? — с меня слетает любой намек на веселье. Я даже выпрямляюсь, сажусь, отсаживая Мишу и обкладывая его игрушками. — Мишут, поиграй пока, мама сейчас вернется...

Я перечитываю заново.

— Какого?..

В смысле «Они уже обсуждали»?

В смысле «Она тот еще тиран»?

В смысле «Она все отберет»?

В СМЫСЛЕ?

— Так. Так-так-так!

Я лезу в телефон, мотаю галерею, в которой у меня уже больше тысячи фотографий с переписками Артема.

Я нахожу переписку с его бывшей и в этот раз вчитываюсь с самого начала. Я же в прошлый раз не особо начало изучала. Я вообще на эмоциях выцепила самое важное: слова Артема про меня и сына.

А остальное меня не сильно заботило, потому что и тех слов мне хватило с лихвой!

Кажется, я что-то упустила. Что-то очень важное!

И в их секретном чате первое смс от Карины:

«Снова привет)

А чего здесь?»

«Не хочу, чтоб жена увидела и у меня были проблемы. Думаю, понимаешь.

Чем занимаешься?»

«Да вот с работы только домой вернулась»

«Понятно. А я еще работаю. Бизнес требует внимания) Думаю, ты понимаешь.»

«Понимаю, понимаю) Поэтому расслабляюсь в свободное от работы время.»

«О! Как расслабляешься?»

«Да по разному.

Самый проверенный дедовский способ - ванна и вино.»

«Опа! Слушай, так это же как в старые добрые времена!»

«В смысле?»

«Ну, помнишь, ванна, свечи и пиво. В общаге)»

«А, это) Да, душевненько было»

«Сейчас такого уже нет в моей жизни. Быт, ребенок, все дела. Ничего не хочется. Ну, сама понимаешь...»

«Отчасти. Пока у меня мой ребенок - это работа. Но все же понимаю. У каждого бывает период, когда ничего не хочется».

«Да, да, да! Все так, все так. Я же тоже бизнесмен. Дело прет только так, а дома прям даже отдохнуть не получается. Жена душит бытовухой, сын спать не дает»

И следом от него же:

«Капец, я тоже скучаю по тем временам. Так давно не виделась»

«Ну, так давай увидимся. Все обсудим. Хотели же»

«Да, конечно. Привезу тебе вина и мармеладок))»

«Ого, ты помнишь мои вкусы?»

«Конечно. Их сложно забыть. Как и тебя...».

«Слушай... А жена что? Ты же еще женат, верно? Ничего не поменялось?»

«Лиса сейчас беременна, ей не до меня. Носится с ребенком, а на меня вообще не обращает внимания. Я только и делаю, что батрачу и ее содержу. По чесноку если, наши отношения давно остыли и дрожат, как холодец. Только на мне и держатся. Так что я буду рад просто пообщаться. Немного женского внимания никакому мужику не повредит».

И следом ответ Карины через некоторое время. Далеко не сразу.

«Оу, вон как... Слушай, ну... Давай тогда на днях спишемся, ок? А то у меня сейчас работа и куча дел»

«Да, без проблем. У меня тоже куча работы. Ты мне маякни, как будешь свободна»

«Ага»

Не зря меня концовка смутила, словно Карина по быстрому слилась.

Если вдумчиво вчитаться в их непродолжительный диалог, то становится ясно одно — ее ответы не такие уж душевные и открытые, как у Артема.

Он словно из кожи вон лезет, чтобы продолжить диалог, а она отвечает... Ну, ровно, что ли.

В общем, я бы не назвала это ни флиртом, ни холодностью. Просто... ответы человека, который не хочет обижать отказом.

А может, я ошибаюсь... Интонации то нет! Толком не поймешь...

Я точно знаю, что бросила его именно Карина, потому что Артем очень много сокрушался на этот счет и рассказывал, как он страдал по этому поводу. Что Карина такая плохая... Он так же много раз говорил мне, что если бы не я, ему пришлось бы куда хуже.

Мол, я его вытащила, спасла и все прочее.

И если учитывать, что это Карина его бросила, то вполне понятно, почему она не флиртует. Но не понятно, почему она его не послала.

И при чем тут слова Артема про какое-то их обсуждение? Их диалог не похож на то, что они что-то обсуждают. Тут только один вывод напрашивается: у них был как минимум один разговор до того, как они перешли в секретный чат.

Об этом говорит и вопрос Карины «А чего здесь?»

То есть они разговаривали и обсуждали что-то... А если быть точной, они обсуждали меня! Что я «тиран в юбке»...

Артем ей что-то наплел.

Что он наплел?

Так... Какие факты, а не домыслы, я имею?

Первое — Артем изменяет мне со Снежей.

Второе — Артем говорил со своей бывшей. Он наговорил ей что-то «такое» обо мне. Зачем? Пока не понятно.

Третье — Снежа не подозревала об этом разговоре Артема с Кариной.

Четвертое — Карина слила Артема, но он надеялся на продолжение.

Пятое — Снежа и Артем не один раз усыпляли папу, чтобы тайно встречаться в его квартире.

Шестое — Артем отлично врет.

Артем отлично врет...

Я кусаю щеку изнутри, глядя как Миша ворочается среди игрушек и подушек, которыми я его обложила. Для него это маленькая крепость, из которой он обстреливает меня кубиками.

Я крепко так задумываюсь: а может он улыбался не потому, что думал, будто бы управляет моей ревностью? Может он улыбался потому, что понял, что я *только* ревную?

Тогда картина становится чуть более понятной.

Он сбежал в душ тогда, чтобы подумать. Возможно, даже прочитал диалог, убедился, что там нет ничего «такого». Понял, что я на эмоциях зацепилась лишь за оскорбления меня и сына и развил эту тему. Он ведь не опровергал ничего.

Я обвиняла его во флирте, и он согласился быстро и легко. Не стал перечить, оправдываться... Быстро повинулся и удалил диалог... Якобы, чтобы доказать мне, что он ничего не значит, а на самом деле подтер свидетельства того, что именно он писал Карине.

И если бы я раньше вчиталась внимательнее, то я бы поняла, что он списывался с ней и раньше.

Что ты задумал, Артем?

Не просто же так он выставляет меня монстром. Я бы могла подумать, что он просто решил пожаловаться, чтобы почувствовать себя лучше. Но... Он же пишет «ты моя последняя надежда».

На что?

Что она ему может дать, если она его сливает?

Ничего не понятно...

Но я обязательно это выясню!

Я быстро собираю Мишутку, вызываю такси, загружаюсь и еду к папе. А по дороге открываю диалог моей псевдо-Карины и Артема и пишу ему ответ:

— *«Извини, отвлекли на работе. Да, я понимаю тебя. Давай встретимся сегодня вечером и все обсудим. Все будет хорошо»*

Артем отвечает мне практически сразу.

— *«Давай. Куда пойдем?»*

— *«Ты же мужчина. Ты выбирай»*

— *«Это да) Но я хочу учесть твои потребности, а не командовать тобой. Ты достойна лучшего. Просто скажи куда, туда и пойдем»*

Ах вот как... Карина, значит, достойна лучшего?

Снеже, значит, ты покупаешь дорожный телефон, когда я лично прошу у тебя уже больше года новый ноутбук? Или хотя бы отремонтировать старый.

Да ладно, ноутбук! Это реально не маленькая денежная затрата.

Хотя бы цветы бы взял!

Ох, о чем это я... Цветы... Пф! Подгузники не всегда можем купить, потому что «деньги не могу взять из оборота, дорогая. Давай на следующей неделе».

Мы экономим, бывает, даже на Мише! Поэтому я сама эти пюрешки и варю! Потому что в магазине дорого!

Ну, погоди, дорогой мой. Я тебе устрою «лучшее». Ты у меня попляшешь.

Я открываю гугл, забиваю «самые дорогие рестораны города» и выбираю из списка практически наобум. Главное, чтобы подальше от нашего дома и от дома папы. Какой-то итальянский ресторан.

Пишу Артему:

— *«Спасибо:* Ты лучший. Давай в мой любимый ресторан тогда сходим? Я к нему уже привыкла. Там отличный сервис, а блюда - просто пальчики оближешь. И вино прекрасное. Как раз под непростую беседу. Ресторан «Vigneto del Nord»*

Артем прочитывает сразу же, но не сразу отвечает...

Видимо, гуглит.

— «Да. Хорошо»

Ой, а что это мы так скупно отвечаем? М? Любимый, ну ты чего? Расстроен чем-то?

Может средним чеком этого ресторана? В пятнадцать тысяч.

Но Карина же достойна лучшего. Так что вперед, впечатляй бывшую.

А я пока с ней поговорю.

Я достаю ее номер из записок и звоню. Меня берет мандраж, и я в какой раз поправляю Мише шапку и проверяю крепления в его кресле.

Наконец, динамик шелкает и мелодичный женский голос по ту сторону заставляет меня напряженно сосредоточиться:

— Юридическая компания «Адвокаты про», чем могу помочь?

Ягодки, для вас еще одна интересная история от *Елены Грэй "Развод. Без правил"*

в рамках литмоба "Неправильный развод"

Внимание, 18+

<https://litnet.com/shrt/w3qD>

Приятного чтения!

Глава 11: Неожиданные гости.

Я сижу с телефоном в руке и несколько секунд просто смотрю на экран, будто он может мне что-то подсказать. Пальцы лежат на корпусе, но не двигаются. Сердце бьётся не быстро — тяжело. Глухо. Как будто ему тоже нужно время, чтобы решиться.

— Юридическая компания «Адвокаты про», чем могу помочь? — я понятия не имею, что говорить. Я совершенно не ожидала услышать информацию про юридическую компанию. Я точно туда попала? — Алло-о, — тянет женский голос, не услышав отклика.

Я вздрагиваю, словно меня выдернули из-под воды. Горло сухое, язык будто ватный. Я мысленно прокручиваю десяток вариантов начала разговора — и все они кажутся либо слишком резкими, либо слишком жалкими.

— А, да, здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, могу я поговорить с Кариной? Извините, не знаю отчества.

На секунду воцаряется тишина, и эта пауза давит сильнее любых слов.

— Вы уже с ней говорите. Это я. Карина Анатольевна. Чем могу помочь?

Услышав это, мое сердце подскакивает, а во рту внезапно становится сухо. Словно кто-то резко выключил подачу воздуха. Я сжимаю телефон крепче, чем нужно. Как же поступить лучше? Сразу сказать, кто я такая или все же назначить встречу?

Как-то странно обращаться к бывшей моего пока еще мужа по имени-отчеству, но я все же пересиливаю себя. Сейчас не время для неловкости. Сейчас — время для холодного разума.

— Оу, отлично. Очень приятно, Карина Анатольевна. Мне дали ваш номер, сказали юрист хороший...

— Слушаю. Что у вас за проблема?

Я делаю вдох. Медленный. Контролируемый. И на выдохе:

— Кхм, ну... Развод?..

Слово звучит тише, чем я ожидала. Почти неуверенно. Как будто я пробую его на вкус и еще не решила, глотаю или выплёвываю.

Если она сейчас скажет, что таким не занимается, я выдохну... Но если она подтвердит, что она занимается разводами, то получается, Артем ей писал, чтобы обсудить развод? Со мной?

— Простите, не расслышала, вы сказали развод? Что-то со связью.

Это не со связью. Это меня голос мой подводит. Он предательски дрожит, будто я говорю о чём-то постыдном. Но я собираюсь с духом и все же беру себя в руки. Мне нельзя сейчас быть слабой.

— Да, да, развод. Я бы хотела проконсультироваться с вами. Мне сказали, что вы отличный специалист в бракоразводных процессах.

— Люди не жалуются, — она хмыкает. В голосе слышится деловая отстранённость. — Записать вас на встречу? Есть свободное время завтра, послезавтра. В четверг.

— А сегодня никак?

Я сама удивляюсь, насколько мне важно сделать это *срочно*. Как будто если я подожду — реальность передумает быть реальностью.

— К сожалению, нет. Могу предложить только завтра с утра в восемь пятнадцать. Если нужно очень быстро.

— Хорошо, давайте.

В телефоне я слышу стук по клавиатуре и следом Карина отзывается:

— Я вас записала. Жду утром. Адрес офиса знаете?

— Нет, не знаю. Мне только номер дали.

Карина диктует мне адрес, и я торопливо записываю его на клочке детской раскраски, быстро доставая ее из пакета. Карандаш соскальзывает, линия получается кривой, как и всё в моей жизни в последние часы.

— До встречи, всего доброго, — скупно прощается Карина.

— До встречи. Спасибо.

Я отключаюсь, пребывая в смешанных чувствах. Вокруг меня воздух как будто бы стал густым и тягучим. Таким тяжело дышать... Как будто я иду сквозь воду, а не просто стою на месте.

Завтра я встречу с бывшей своего мужа и узнаю, что он ей обо мне говорил. Мне надо как-то это преподнести все так, чтобы она меня не послала тут же. Но, думаю, я сумею подобрать слова, и она хотя бы выслушает меня.

У меня одна надежда на то, что это она его бросила, а значит, не питает к нему таких уж теплых чувств.

Я машинально отмечаю про себя время, дату, прокручиваю завтрашнее утро — и тут же одёргиваю себя. Слишком рано. Сейчас нужно разобраться с сегодняшним вечером.

Делаю себе пометку в голове, что завтра с утра у меня встреча с Кариной, а сама лезу проверить, ответил ли что-то Артем. Ответа от него нет. А значит, он не заказал столик.

Мне становится неприятно от этой мелочи. Слишком символично. Он никогда не был человеком инициативы в таких вещах.

Я не хочу, чтобы он слился в нужный момент, поэтому сама иду в интернет, нахожу номер, звоню в ресторан и заказываю столик.

Голос администратора звучит бодро, чуждо, как будто в мире всё в порядке.

Благо, что мне везет, и столики на сегодня у них есть. Я заказываю столик на имя Карины и Артема, а следом лезу в Телеграм, в диалог с Артемом и пишу ему от лица Карины:

«Я заказала столик на 20:00, не опаздывай. И раз уж я пригласила, то угощаю я»

Отправляю и оглядываюсь. За всеми этими разговорами мы уже почти приехали.

Тут телефон жужжит, и я вижу ответ от Артема:

«Ну, что ты! Вот еще. Я сам все оплачу. Это и отличает мужчину от альфонсов».

Я кривлюсь, но пока не читаю. Некогда. Мы доезжаем, я выгружаюсь с Мишей и пакетами и поднимаюсь к папе на девятый этаж.

Его дом из каких-то крутых недавно отстроенных комплексов, в которых верхние квартиры двухэтажные, с высоким потолками. И хоть по проекту она числится как евродвушка, по факту там сто с лишним квадратов и очень много пространства.

Это пространство всегда казалось мне спасением — здесь легче дышалось, даже несмотря на болезнь.

Это позволяет мне и Снеже спокойно ночевать у папы, когда мы остаемся у него и ухаживаем за ним. Вроде в гостях, а вроде и свой угол есть. Папе тяжело на второй этаж подниматься, так что на втором этаже в спальне тусуемся именно мы. Даже комнату там оборудовали для этого.

А он сам внизу, на «первом» этаже. Тут и санузел, и кухня недалеко. Спит он на своей специальной кровати с ортопедическим матрасом. Там же стоит утка на всякий случай, капельницы, тумбочка с лекарствами, столик на колесиках, чтобы папа мог есть прямо там.

Слава богу, что он смог заработать на эту квартиру раньше, чем ему поставили диагноз...

Я открываю дверь своим ключом, тихонько захожу, не зная, спит папа или нет. Мы с Мишей окунаемся в светлую атмосферу папиного дома, но при этом нас обволакивают запахи лекарств, дезинфекции и различных травяных чаев, которые папа очень любит. Он прямо подсел на них в последнее время.

Этот запах всегда означал для меня одновременно дом и тревогу.

Миша, почуяв знакомый запах, затихает у меня на руках.

Обуви Снежи нет, однако стоит чья-то чужая, незнакомая мне. Я понимаю, что Снежа уже успела смотаться до моего приезда.

Такое бывало и раньше, но нечасто. Обычно мы сменяем друг друга, успевая попить чаю и поболтать о папе, о новостях, о Мише... В общем, обо всем «о женском».

Сегодня Снежи нет, но в доме есть кто-то еще. Я замираю, одежда перестает шуршать, и до меня доносятся обрывки разговора с кухни и звон чашек.

— Па-ап? Ты дома? У нас гости?

— О, Вася с Мишкой приехали, — я слышу родной голос папы с небольшой хрипотцой, а следом он уже повышает тон для меня. — Заходи, заходи, дочь! Да, у нас гости, не пугайся.

— Ага, спасибо, я уже, — бурчу сама себе и добавляю громче. — Ладушки, я сейчас.

В итоге я присаживаюсь перед Мишей, чтобы распаковать его из комбинезона, шапки и обуви. Он улыбается мне, ручонками помогает, чтобы быстрее вывернуться из плена одежды.

— Одеваться мы не любим, да? А вот раздеваться это запросто, — фыркаю, глядя, как Миша демонстрирует мне свои шесть белоснежных зубиков. Остальные еще лезут.

И тут Мишутка поворачивается и смотрит в сторону. Да и я сама замечаю движение слева боковым зрением. Поворачиваюсь, думая, что это папа ко мне вышел.

Но нет.

Мое лицо вытягивается в удивлении, и я сама вся вытягиваюсь, выпрямляюсь.

— Игнат?

— Привет, Вась. Давно не виделись.

Глава 12: Тяжелые вопросы.

Я застываю на месте, будто меня кто-то выключил и снова включил, но с задержкой.

— Игнат?

— Привет, Вась. Давно не виделись.

Я всматриваюсь в знакомое и одновременно незнакомое лицо брата Артема, которого вот вообще не рассчитывала здесь увидеть!

Внутри будто что-то щёлкает. Имя, лицо, голос — всё знакомое, но ощущение такое, словно прошлое внезапно вышло мне навстречу и поздоровалось. Не через экран. Не по телефону. А вот так — живьём.

Я ловлю на себе взгляд его светлых серых глаз. Он улыбается приятной улыбкой. Отрас- тил бородку и усы. Плечи, словно пушечные ядра, обтягивает тонкий свитер.

Он стал другим. Более взрослым. Более тяжёлым — не по весу даже, а по энергетике. В нём чувствуется та самая спокойная уверенность людей, которые слишком много видели и слишком мало говорят об этом вслух.

— Вот это да... Какими судьбами? — сказать, что я ошарашена — ничего не сказать.

Голос мой звучит чуть выше обычного. Я сама это слышу и мысленно морщусь.

— Да вот отпустили на месяц в отпуск. Так что приехал повидать родственничков. Неужели это Мишка? Какой большой уже вырос. Ну, иди сюда, племянничек, будем знако- миться заново. Чего это мы, получается... года полтора не виделись, а?

— Ага, — киваю болванчиком, глядя, как Миша осторожно смотрит на здорового дядьку под два метра ростом, бритого почти под ноль.

Мишка замирает, будто оценивает угрозу. Его пальчики сильнее впиваются мне в плечо, а взгляд становится серьёзным, сосредоточенным. Он ещё маленький, но инстинкты у детей работают куда честнее, чем у взрослых.

Ну, оно и не удивительно. Там, где он служит, лучше наверно совсем без волос. Удобнее.

Я тоже, на самом деле, смотрю на него с осторожностью. Не ожидала совсем его здесь увидеть!

Он будто занимает собой всё пространство коридора. Не давит — просто есть. Присут- ствует. Как несущая балка в доме.

— Ну, что, боишься меня, что ли? — Игнат смотрит на притихшего Мишу, тянет кривую ухмылку на загорелом лице, но при этом какую-то добрую, что ли... Я бы не сказала, что это оскал.

— Ты себя в зеркало-то давно видел? Здоровый как бык. Мишка тебя и не помнит даже. Что ему там было-то, полгода, — отец, помогая себе тростью, выходит к нам в коридор.

Я оборачиваюсь и сразу ловлю это знакомое щемящее чувство — смесь любви, тревоги и бесконечной нежности.

На фоне Игната он выглядит еще меньше, чем он есть на самом деле. А он и так не то чтобы большой. Да, высокий, так-то в моем папе тоже рост не маленький, метр восемьдесят семь. Но до Игната все же ему не допрыгнуть. Тем более что брат Артема еще и в ширь такой же здоровый.

В нем точно не меньше центнера веса. К тому же не просто жирка, а еще и чистого мяса. Пряма машина какая-то, как из фильмов. Хотя я б не назвала его раздутым качком.

— Привет, папуль. Ну, ты как?

Мне хочется подойти и поддержать отца, но я и так занята Мишей. Да и папа из тех, кто терпеть не может лишней жалости.

Папа машет мне рукой, мол, все нормально, все по-старому.

— Тоже верно, — Игнат присаживается. — Ну, давай я вот так сделаю, чтоб уменьшиться. Так не страшно?

Он садится на корточки — и в этом движении столько простоты, что напряжение немного спадает. Миша всё равно насторожен, но уже не прячется полностью.

Да... Игнат здоровый...

А вот папа после всего лечения стал походить на бледную тень самого себя до всей этой болезни. Сам весь бледный, кожа чуть ли не прозрачная, словно болезнью напуганная. Одно в отце по-прежнему яркое — глаза. Голубые, сочные, так и сверкают на худом лице.

Благодаря этому живому взгляду я вижу, что духом папа все еще силен.

Мы как раз встречаемся взглядом, и я улыбаюсь.

Отец мне подмигивает и смеется, глядя, как Игнат пытается подкатить к племяннику. Вокруг его глаз морщинки собираются в сеточку.

— Вась, да ты чего встала истуканом? — папа меня окликает, по привычке пристукнув тростью о паркет. Голос его низкий, с хрипотцой, прокуренный за много лет дурной привычки, но, слава богу, как узнал, что заболел, бросил это гиблое дело. — Раздевайся, чай будем пить. Там я Мишке новых игрушек накупил.

— А? Да, да! Да что-то я это... — улыбаюсь, хватаюсь за шарф, — Удивили вы меня! Игнат, ну надо же! — шагаю вперед, чуть приобнимаю его и забираю Мишу из его здоровущих рук. — Очень давно не виделись. Я так рада, что тебя, наконец, отпустили отдохнуть. Да и вообще рада, что ты жив, здоров...

В этих словах слишком много правды. Почти оголённой.

— А что мне будет, — он хлопает себя по выпирающей груди, поднимаясь, — у меня ангел-хранитель хороший.

Я только улыбаюсь. Что-то я прям растерялась и даже засмушалась. Давно не видела его. С нашей последней встречи он как будто даже раздался в плечах еще больше. А может, просто давно не видела, и по сравнению с Артемом он побольше и помассивнее.

— А ты чего не позвонил, не предупредил, что приедешь? Мы бы тебе достойную встречу организовали. Артем был бы рад...

Имя мужа режет слух.

— Я говорил, — скупно хмыкает Игнат.

Я хмурюсь.

— Он сказал, что занят на работе.

— В смысле? Вы созванивались? Он мне ничего не говорил... Странно...

Это «странно» повисает в воздухе. Я уже тогда чувствую — не просто странно. Гадко.

— Ну, я сегодня вечером хотел заехать, он сказал, что сегодня вечером на работе. Что-то там важное у него, поставка какая-то. Вот я к Якову и поехал, не стал уже навязываться.

Я нервно сглатываю, отвожу взгляд... Боже, стыдно-то как. Я же вижу, что Игната такое пренебрежение родного человека задело.

И его можно понять. Ох, как я его понимаю... Полтора года на фронте был, мог и не вернуться, а брат говорит, что на работе занят...

Да и какая работа?! Артем встречается с бывшей!

Ну... Пусть думает, что встречается. Вот сучок... сплошное вранье.

Я прячу свое перекошенное гримасами лицо, усаживаясь обратно перед сыном. У меня начинают полыхать щеки. Творит муж, а стыдно мне.

Я все-таки быстренько стаскиваю с Миши обувь, распаковываюсь сама и тащу пакеты и Мишу на кухню.

— Давай помогу, — Игнат спохватывается и как будто вопрос задает чисто из такта. Потому что руками он действует без моего одобрения. Просто забирает пакеты и тащит их на

кухню. Мишу не трогает. Миша его еще побаивается. Вон, меня за шею обхватил, глазенками поблескивает любопытно, лицо насупил. — Что у тебя там в них? Кирпичи, что ли?

— Да если бы, — улыбаюсь. — Там еда для Мишки, игрушки его, памперсы, одежда, лекарства. Мы сюда, когда едем, обязательно тащим с собой полдома. Я уже привыкла, по-другому никак. А что, неужели для тебя тяжело? — хмыкаю. — Ты же вон какой большой.

— Да для меня-то ерунда. Это тебе, должно быть, тяжело таскать. Да и вообще, тебе нельзя тяжести поднимать. Что это такое? Чего Артем тебе не помогает?

Вопрос повисает в воздухе меж нами, словно натянутая струна. Я чувствую, как внутри что-то болезненно сжимается.

Ответить правду о его братце или соврать?

Интересный выбор, если учитывать, что и то, и другое не принесет мне облегчения.

Ох уж эти тяжелые пакеты и такие же тяжелые вопросы...

Еще одна рекомендация для вас, мои хорошие из литмоба:

Ольга Гольдфайн "Страсти по разводу"

<https://litnet.com/shrt/dQRN>

Глава 13: Мама Снежи.

— Да для меня-то ерунда. Это тебе должно быть, тяжело таскать. Да и вообще, тебе нельзя тяжести поднимать. Что это такое? Чего Артем тебе не помогает?

— Так он на работе же. Зачем мне его напрягать?

— Ты его жена, ты можешь его напрягать и должна, — Игнат сдвигает массивные брови к носу. Неодобрительно чеканит. Как он умеет — жестко, по-военному четко. Вроде тон не повысил, а все равно пробирает до костей. И мне сразу тут же хочется самой себе как-то помочь. — Да и какой «напрягать», Вася? У него не офисная работа. Он сам себе начальник там. Мог бы и завезти тебя к отцу на машине, а потом уже ехать работать. Это не так уж сложно. Тоже мне, напряг. Напряг, это когда тебе надо товарища через поле перетащить, а у тебя над головой пули свистят. Вот это напряг.

Я предпочитаю не комментировать это, отмалчиваюсь, тяну напряженную улыбку, спрашиваю как дела у папы.

Даже представлять не хочу, через что прошел и будет дальше проходить Игнат. Работа у него, конечно... Жуть просто.

Я его уважаю за это непростое дело. В конце концов, это очень важно, защищать родину... Но это так опасно! И жутко!

У меня аж сердце заходится, когда все это представляю.

И вообще...

Приезд Игната выбивает меня немного из колеи. Мой план был поговорить с отцом, а не принимать гостей.

Папа наливает мне чаю с чабрецом и ставит передо мной чашку. У них тут на столе стоят сушки да варенье. Тоже мне, джентльменский набор.

Так что для меня папа специально достает конфетки разные, финики, курагу, пасту шоколадную.

Я вижу финики и тяну к ним свои загибающие ручки.

— Вот это мы любим, вот это нам, пожалуйста, и побольше! Ух, как я давно их не ела!

— Кушай, кушай, тебе полезно. Там витаминов много.

— Ага, а еще сахара. Артем говорит, что если их переедать, то фигуру испортить можно.

— Вась, ну какая фигура? — морщится папа, тяжело вздыхая. — Тебе сейчас о здоровье в первую очередь думать надо. О своем и о ребенке. Подумаешь, пару лишних килограмм наешь. Да ты и так как веточка, того гляди сломаешься. Такими темпами совсем как я станешь.

— Ну, ты преувеличиваешь. И вообще, это тебе надо о здоровье думать. Почему ты не лежишь? Тебе лежать надо.

— Скорее преуменьшает, — улыбается Игнат, отпивая чай. — Тут я Якова Егоровича поддержи. Тебе это полезно будет. А пара лишних кило тебя не испортят.

— Не хочу лежать, — ворчит отец. — Я немощный, что ли? Вот когда совсем своим ходом передвигаться не смогу, тогда и поговорим. А пока надо двигаться. Я не инвалид какой-то.

Папа жмурится, губы поджимает, морщины по его лицу ползают, как складки на мятой бумаге. Сколько раз у нас был уже этот разговор?

Не счесть...

Спорили до хрипоты. Я ему: тебе надо отдыхать, а он: в могиле отдохну, дай с внуком погулять!

Правда, это было еще до обновленного диагноза врачей. И тогда я еще могла его как-то уговорить, надавив на то, что он хоронит себя раньше времени. И я выходила из спора выигравшей.

Ну, или мы находили компромисс. Папа сидел на лавочке, пока Миша по нему ползал. Я была рядом. А потом папа отправлялся отдыхать и пить лекарства.

Сейчас же... Когда уже все знают, что лечение не помогло и не поможет больше, отец сорвался «во все тяжкие», так сказать. Лекарства забросил, пьет только обезболивающие. И просто... Ну... Живет. Насколько силы позволяют.

Я снова молчу, пропускаю мимо ушей реплики их обоих. Запихиваю в рот финик и отхожу от барной стойки, за которой и чаевничают мужчины.

Отхожу в гостиную, усаживаю Мишутку на ковер и высыпаю ему игрушки, достаю раскраску, чтобы занять его хотя бы минут на десять. Чтобы самостоятельно поиграл без надзора мамы.

Я читала, что это полезно для развития у малыша самостоятельности. Сама отхожу к папе с Игнатом, чтобы попить чай.

— Так, я прошу прощения, — отец машет рукой, — выйду.

— Тебе помочь?

— Доча! — отец кидает взгляд на Игната, но тот делает вид, будто не заметил. — Я еще в состоянии пистун свой поддержать!

— Все, все, поняла, поняла. Сам так сам.

— Вон, Мишку лучше приучай к горшку. А то все памперсы, памперсы...

— Да вы у меня оба, как маленькие дети, — тихонько хмыкаю, чтоб папа не слышал, а он продолжает ворчать:

— ... Вот в мое время не было никаких этих памперсов! Пеленки, распашонки! К горшку зато очень быстро приучали... А, новое поколение... тьфу... — дверь туалета хлопает, и ворчание уже становится не таким разборчивым.

Мы с Игнатом переглядываемся, улыбаемся. Теплая такая минутка молчания выходит. Оба умиляемся с отцовского ворчания. Понимаем, что он это не со зла. Просто немножко по-дедовски ворчит.

Я не знаю, что говорить. Мне жутко неловко. Кручу в пальцах конфету, раздумывая, может что-то спросить? А что спросить?

Молчать вроде тоже неприлично... Или нормально все-таки?

Мысли снова возвращаются к Артему. К тому, как он, по сути, бросил нас всех ради призрачной надежды поужинать с бывшей. Чтобы что-то у нее выпросить...

И как мне обо всем этом папе рассказать? Такое настроение у него вон хорошее... Портить плохими новостями вот вообще не хочется. У него достаточно «плохого» в жизни. Хочется радовать, а не расстраивать...

Тяжело вздыхаю, заглядывая в чашку с чаем.

Папа вкусный где-то покупает. У травника какого-то. Ему прямо на дом доставляют. Он и смешивает. В моей чашке плавают маленькие чайники, отвлекают меня от тяжелых дум...

Я делаю глоток, насыщенный вкус чебреца прокатывается по языку, горячий пар касается губ и носа. Приятные ощущения...

— Вася. Ва-ся-а...

— А? Что? — меня из раздумий вытягивает тихий голос Игната. Он сидит рядом, слева. Чуть-чуть и локтями соприкоснемся. Я растерянно улыбаюсь. — Ты что-то сказал?

Игнат мою улыбку не поддерживает.

— Я спрашиваю, у тебя все хорошо? Что у вас случилось?

— В смысле? Да, все хорошо... — звонок в дверь прерывает мои быстрые слова. — Извини. Я открою.

— Сиди, пей чай. Я открою.

Не успеваю я слезть со стула, Игнат уже идет к двери. Буквально за пару секунд он ловкой пумой слезает с высокого барного стульчика, который, впрочем, для него не такой уж высокий. Он быстро шагает к выходу.

А так и не скажешь, что он может быстро и юрко двигаться. Кажется, что с такими габаритами он должен быть неповоротливым, медленным или, как минимум, задевать все кругом и ронять.

Но нет. Он двигается как-то скупно, но точно до миллиметра. Мне до такого уровня владения своим телом как до луны пешком!

— Здравствуйте, вы к кому?

— Здравствуйте... — я слышу знакомый, растерянный женский голос. — Вы кто?

— А вы кто?

— Я к Яше пришла в гости... Навестить.

— Ясно. Вы не ответили на вопрос, — тон Игната меняется до неузнаваемости. С нами он только что совсем по-другому говорил!

— А я и не обязана, — голос женщины крепнет. Первая растерянность от вида Игната, видно, проходит.

— Он болеет. Сейчас не время.

Я все же слезаю со стула и плетусь в прихожую. Ну да, как есть, все верно опознала по голосу.

У раскрытой двери в распахнутом бежевом пальто, с такими же распахнутыми карими глазами стоит мама Снежи. Бывшая жена папы.

А ей еще что здесь нужно?

Глава 14: Просьба.

Василиса

— Он болеет. Сейчас не время, — Игнат отрезает командным тоном, но Раиса Анатольевна замечает меня и тут же меняется в лице.

— Вася! Ты здесь! Какое счастье. Что это за бугай и почему он не пускает меня к Яшеньке? Что за варварство?

Она всплескивает руками, продолжая стоять за порогом. Я подхожу ближе, кладу ладонь на плечо Игната.

— Все нормально, Игнат. Это папина бывшая жена. Здравствуйте, Раиса Анатольевна.

— Привет, привет, Василиска. Давно не виделись. Не ожидала тебя сегодня здесь увидеть. Снежка сказала, что не может сегодня посидеть, ну я и приехала. А тут вон! — она возмущенно взмахивает рукой в бижутерии в сторону Игната, который не достаивает ее и шанса проскользнуть внутрь. — Да ради бога, впустите меня уже в квартиру. Я как будто какой-то враг народа здесь стою!

Игнат смотрит на меня вопросительно, и я киваю.

Раиса входит и, наконец, захлопывает дверь.

— Странно, что Снежа не предупредила вас. Сегодня моя очередь сидеть с папой. Так что не стоило вам напрягаться.

— Да какой напряг, Вася? — Раиса скидывает пальто и вручает его обалдевшему от такой наглости Игнату. Она на него даже не смотрит. — Это ведь не я тут с пузом, да и лифты есть. Мне нетрудно.

Я оставляю без комментариев ее замечание про «пузо». Была б моя воля, я б ее даже на порог не пустила, но это дело отца и Раисы. Она его гостя и с его разрешения сюда приезжает.

Не знаю, почему он продолжает с ней общаться даже после развода. Как-то они умудрились сохранить хорошие отношения даже после того, как расстались.

Чудо чудесное, магия небесная.

Ага. И магия то, что она вообще приехала сегодня, хотя не должна была. Отец мне об этом ничего не говорил. Снежа тоже. Хотя обычно такое мы обсуждаем. Я знаю, кто посещает папу и когда. Даже если рядом меня нет, я все равно знаю, кто рядом с ним.

И что это вообще значит, что «Снежка не сможет сегодня посидеть»?

Здесь что-то нечисто...

— Ну и кто этот молодой человек? — Раиса оглядывает Игната, он отвечает ей тем же и скидывает ее пальто ей обратно на руки.

— Родственник, — Игнат холодно буркает и уходит на кухню.

— Какой хам, — громко шепчет Раиса, прикладывая руки к груди, и все-таки вешает пальто сама на вешалку. — Ужас какой невоспитанный. Ни здрасте, ни до свиданья. Тоже мне родственник. Чей родственник-то? Что-то я не помню у Яшеньки таких родственников.

— Это брат Артема.

— А-а-а, ну, тогда все ясно.

Что ей там ясно, я не стремлюсь уточнять. Она никогда не была в восторге ни от меня, ни от моей семьи.

Разворачиваюсь и тоже возвращаюсь на кухню к отцу. Как бы ее спровадить побыстрее?..

Мне с папой надо поговорить, а тут, как назло, все решили приехать. И если в искренних и случайных намерениях Игната я не сомневаюсь, то вот в намерениях Раисы...

Мутное что-то происходит. Особенно на фоне отношений Снежи и Артема.

Знает ли Раиса о том, что Снежа спит с моим мужем?

Когда я возвращаюсь в гостиную, папа уже сидит рядом с Мишей и что-то ему втолковывает, глядя, как Миша чиркает в раскраске карандашом.

Эта картина умиляет меня, но расслабиться я все равно не в состоянии. Игнат тоже напрягся.

Вся спокойная атмосфера исчезает в момент, когда Раиса появляется в этом доме. Я наблюдаю за ней, пока играю с Мишей. День тянется своим чередом. Папа устает быстро и возвращается с помощью Игната в кровать.

Раиса порывается ему помочь, но папа отмахивается, мол, Игнату проще, он сильнее. Раисе такое положение вещей не нравится, но она все равно тянет улыбку.

Вот хоть убейте, не верю я в искренность ее чувств. Не тот она человек, что будет просто так помогать. Если бы она была такой, то она не бросила бы папу в момент, когда в его жизни случилось банкротство.

Да, она ему не изменяла, но она его предала в момент, когда у него в жизни все пошло наперекосяк. Видите ли, он больше был не в силах содержать семью, и она свалила от него.

Конечно, отец долго отходил, но все же восстановился и нашел новую работу. Он горбачился на двух вахтах! На золотом прииске и на дальнем севере. Буквально работал без выходных долгое время...

И потом Раиса снова появилась на его горизонте. Они восстановили какой-то дружеский контакт ради их общей дочери Снежанны.

Так в моей жизни и появилась Снежа. Мы стали общаться. Но Раиса недолюбливала меня, пусть и тщательно это скрывала. Она узнала, что отец поднялся и неплохо так зарабатывает.

Но отношения папа с ней не стал восстанавливать, за что я его еще больше стала уважать.

И вот она здесь...

Улыбается, щебечет, рассказывает что-то про свою работу бухгалтером... Я ее практически не слушаю.

— Вась.

Я включаюсь в эту реальность, услышав свое имя тихим голосом.

— А?

Игнат взглядом указывает на Мишу, который пытается карандашами разрисовать мне платье.

— А, это нормально, — я улыбаюсь, но все же перенаправляю талант сына на бумагу. — У нас все уже в художествах Миши. Платья, стулья, стены. Карандаши тоже в разных местах... Я смирилась. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не гвоздями.

Игнат хмыкает.

— Так ты расскажешь, что случилось?

Он сидит на полу, упершись спиной в диван, как и я. Вокруг разбросаны игрушки Миши, канцелярия, раскраски и тетрадки. Раиса рядом с кроватью папы сидит, они о чем-то мило беседуют.

Я кошусь на них неодобрительно и прикидываю, услышат ли? Вроде не должны.

Папина кровать стоит у дальней стены гостиной, у самых окон, чтобы солнечного света было как можно больше. Ширма рядом стоит, чтобы можно было отделить папу от остального пространства и людей, если он хотел отдохнуть или сходить по «делам».

— Да все нормально, правда. Просто устала. Беременность выматывает, — я улыбаюсь.

А что мне остается? Жаловаться на своего мужа его брату? Ну вот еще. А вдруг расскажет?

Игнат, конечно, хороший человек, но брат он тоже хороший. И Артем ему куда ближе, чем я.

Да и низко это, жаловаться. Не люблю такого. Зачем жаловаться, когда я выбрала Артема когда-то сама.

Да... выбор оказался в итоге неудачным, но кто ж знал! Не знаешь же наверняка, что будет в будущем. Всегда поддаешься чувствам, надеешься на лучшее. Что вот с тобой-то точно ничего подобного не случится...

И вот те нате, хрен в томате.

Так что нет, жаловаться не буду, разгребу все сама, а родственники потом узнают постфактум о нашем разводе. И все на этом. Вся история.

Игнат кивает. Вроде как удовлетворился моим ответом, но я же вижу, что нет. Не поверил.

Наверняка у него проницательность на каком-то запредельном уровне. С его то работой.

— Слушай, Игнат, а можно тебя попросить?

— Ради тебя, Василиса, хоть в болото кинусь, хоть ковер за ночь сотку, — он картинно прикладывает руку груди улыбаясь. Я тоже едва тяну уголки губ вверх. Мне кажется, что даже улыбаться на шутки «чужих» мужчин это не правильно. Но Игнат же не чужой, верно? Но смущение все равно накатывает, и я неловко царапаю бровь.

— Ну...

— Жабу только целовать не проси.

Давлю в себе смешок.

— Как сказать, — улыбаюсь, — сможешь отвлечь на себя Раису?

Привет, ягодки) История идет, литмоб тоже. У меня для вас новая книга из него от *Аллы Дроздовой*

"Идеальный развод или Vip-развод для своих"

<https://litnet.com/shrt/s1xr>

Глава 15: Самое худшее.

— Сможешь отвлечь на себя Раису?

Я понижаю голос почти до шёпота, хотя прекрасно понимаю — она сейчас занята папой и вряд ли нас слышит. Но мне всё равно хочется быть осторожной, словно мы замыслиаем что-то запретное.

Игнат выгибает брови, смотрит в сторону воркующих папы и Раисы и на автомате начинает хмуриться.

— Зачем?

— Хочу с папой поговорить, а она вьется вокруг него.

Я невольно стискиваю пальцы. Это «вьётся» вырывается само собой — раздражение копилось давно. Раиса слишком много себе позволяет. Слишком уютно чувствует себя в папином пространстве.

— Так просто подойди и скажи, что хочешь поговорить.

Я мотаю головой.

Так точно не пойдет! Раиса тут же заподозрит что-нибудь! А мне надо незаметно и безопасно ему сказать все. Или не все... В общем, надо сплавить Раису максимально «бережным» ненавязчивым способом, чтобы она думала, что все естественно.

И для этого мне точно нужен папа.

— Мне надо, чтобы она ничего не заподозрила. Отвлеки ее, пожалуйста, чем-нибудь... Ну, пожалуйста! — я умоляюще смотрю на него. — Примени свой мужской шарм там...

Я сама слышу, как глупо это звучит, но отступить уже поздно.

— Мужской шарм? — Игнат фыркает. — Скажешь тоже.

— Ну ты же как-то девушек кадришь?

— Я? Василиса, посмотри на меня. Думаешь, хоть кто-нибудь ведется на мой... На мое... Неважно. Думаешь, мне есть когда кадрить девушек? Да и на девушку эта... кхм... дама не тянет.

Я поджимаю губы, смотрю на Раису, тяжело вздыхаю.

Если честно — да, не тянет. Но это сейчас не важно.

— Ну, так-то да... — снова смотрю на Игната. — Что, совсем туго с девушками?

— На фронте не до девушек.

Эта фраза оседает между нами чем-то тяжёлым. Я мгновенно жалею о своём вопросе.

— Да, извини. Я все время забываю про твою «работу».

— Ничего. Тебе и не надо такое помнить. Зачем лишний раз тревожиться. Я для того и работаю, чтоб у тебя и остальных людей была возможность без лишних забот продолжать жить.

Я смотрю на него и вдруг понимаю, насколько он старше меня стал не по возрасту, а по внутреннему ощущению мира.

— Ну, допустим, заботы все равно есть и никуда не денутся.

— Я про другие заботы.

— Да, я понимаю... Извини. Ну, и спасибо, что ли... — я неловко хмыкаю, поправляя футболку на Мише, чтобы руки куда-нибудь деть.

Игнат ничего мне на это не отвечает. Только кивает, глядя на Мишку.

В его взгляде что-то мягкое, почти отцовское — и от этого внутри щемит.

— Так, все-таки что-то случилось, — я морщусь. Вот что он прицепился? — Ладно, я понял. Сейчас все будет. Как там ее? Раиса Анатольевна?

— Ага, — я поднимаю на него воодушевленный взгляд.

— Ну, в атаку тогда, что ли... — он кривится, гримасничает.

Миша это видит и как давай улыбаться. Его напряжение спадает, плечики расслабляются.

Игнат ему подмигивает.

— Во, наконец-то, ключ к пацану найден. А то все хмурый ходил...

Игнат поднимается, оглядывается, раздумывает недолго.

— Пообедать пора, вам не кажется? — громким голосом задает вопрос в пространство квартиры как будто всем и никому одновременно.

Конечно, папа и Раиса тут же на него обращают внимание.

— Да, было бы славно, — кивает папа. — Хотя я не особо хочу.

— Тебе надо, — отзываюсь. — Да и Мише уже пора.

— Раиса Анатольевна, тогда призываю вас помочь мне в этом нелегком деле. Вы же здесь все знаете? А я тут новенький. Окажите новобранцу услугу, давайте позаботимся о Якове и Васе, — и, не оставляя ей выбора, он поводит рукой в сторону кухни.

Раиса мечется взглядом от Яши ко мне. В этом взгляде — сомнение, неуверенность, желание остаться.

А я что?

А я достаю для Миши пюрешки. Мне некогда всех кормить. У меня своя задача!

В итоге она уходит на кухню, а у меня получается тихо сказать папе, что нужно поговорить без лишних ушей.

Когда, наконец, обед заканчивается, посуда сгружается в посудомойку и все наедаются, папа произносит заветную фразу:

— Ох, что-то я устал сегодня... — и прикладывает руку к голове.

У меня внутри всё сжимается.

— Тебе нехорошо? — с заботливой ноткой произносит Раиса, подходя к кровати папы.

— Нет, нет, все нормально. Просто устал. День такой... Активный слишком. Посплю, и все пройдет, — папа отмахивается с намеком на то, что сейчас будет спать.

— Тогда надо и честь знать, — Игнат подхватывает игру, уловив, к чему все идет. Хотя я ему ничего и не говорила.

Раиса смотрит с надеждой на меня.

— Василиска, тебе может помочь? Могу остаться, ты только скажи...

— Нет, спасибо, мы справимся, — улыбаюсь, двигаясь к прихожей.

Я не оставляю тебе шанса здесь задержаться, карга скользкая!

Раисе не остается ничего, кроме как улыбнуться, горячо попрощаться с папой, прохладно со мной и Игнатом и свалить.

Игнат тоже надолго не задерживается. Он одевается, тоже тепло прощается с отцом и мной и уходит, заверив, что еще увидимся.

Я тихо благодарю его за помощь у двери и закрываю ее, наконец, на ключ.

Щелчок замка звучит слишком громко. Как точка.

Иду в гостиную, где папа сидит на диване, держит на коленях Мишку, а сам смотрит на меня встревоженным взглядом с вопросом в глазах.

— Что случилось?

Я тяжело вздыхаю, иду к дивану, присаживаюсь, а ощущения такие, словно гору на плечах несу. Достаю телефон. Смотрю на темный экран.

— Пап, ты только, пожалуйста, сильно не волнуйся, ладно? Не хотела я сегодня тебе настроение портить, день хороший такой...

— Не тяни, дочь, бывали дни и похуже. Ты же знаешь, если уж есть плохие новости, то встречать их прямо и быстро куда легче, чем тянуть в час по чайной ложке. Ну?

Я включаю телефон и открываю галерею.

— Артем изменяет мне со Снежей.

Отец крайне удивляется, но выдется только короткое "о как".

— Ага. И это еще не самое худшее.

— Боюсь спросить, а что может быть хуже?

— Они тебя снотворным опаивали и в твоей квартире... ну, это самое, короче. Я их переписку нашла и... В общем, на, держи, — я протягиваю ему телефон и забираю Мишу. — Лучше тебе это самому прочитать. Они ждут, пока ты умрешь, чтобы Снежа квартиру получила в наследство.

Ягодки, для вас еще одна рекомендация!

Нионилла Ржевская - "Развод. Танцы на осколках"

Читать:

<https://litnet.com/shrt/519h>

Глава 16: Шоу "притворись моей бывшей".

— Они тебя снотворным опаивали и в твоей квартире... ну, это самое, короче. Я их переписку нашла и... В общем, на, держи. Лучше тебе это самому прочитать. Они ждут, пока ты умрешь, чтобы Снежа квартиру получила в наследство.

Я произношу это как будто не своим голосом. Он звучит глухо, ниже обычного, будто доносится из-под воды. Слова выходят не сразу, с запинками, словно застревают где-то в горле и царапают его изнутри. Каждое — тяжелое, неуклюжее, чужое. Я сама не до конца верю, что произношу это вслух. Что эти слова вообще могут существовать в реальности, а не быть частью кошмарного сна, от которого вот-вот проснешься в холодном поту.

Папа смотрит на меня внимательно. Очень внимательно. Не моргая. Так смотрят на человека, который только что сказал что-то невозможное, абсурдное, выходящее за рамки логики и здравого смысла. Как будто пытается понять, шучу я или нет. Или проверяет, не сошла ли я с ума окончательно.

Мне становится очень неуютно под этим взглядом. В груди неприятно тянет, будто кто-то медленно сжимает сердце в кулаке. Хочется отвести глаза, спрятаться, сделать вид, что я пошутила, что это какая-то дурацкая ошибка. Но я не могу. Потому что это правда. Страшная, мерзкая, неотвратимая.

Папа все же просит принести ему очки.

Я поднимаюсь медленно, словно ноги налиты свинцом. Колени слегка подгибаются, и я ловлю себя на мысли, что если сейчас кто-то меня толкнет, я просто сяду на пол. Иду за очками, чувствуя, как колотится сердце, отдаваясь гулом в ушах. В голове мелькает навязчивая мысль: а вдруг ему станет плохо?

А вдруг это слишком?

А вдруг я сделала ошибку, сказав ему все вот так — разом, без подготовки?

Я возвращаюсь, подаю очки, и он надевает их не сразу — сначала долго смотрит на них, будто собирается с силами или откладывает неизбежное. Потом аккуратно водружает на нос и углубляется в «чтиво».

Он смотрит в экран моего телефона с глубоко серьезным выражением лица. Это не удивление. Не шок. Не слёзы.

Это какая-то тяжелая, каменная сосредоточенность, от которой становится еще страшнее.

Единственное, что выражает его лицо — хмурость. Губы поджаты в тонкую линию, брови сведены к переносице, морщины становятся резче, глубже, будто прорезаются прямо на глазах. Он не перелистывает быстро. Он читает медленно, вдумчиво. Вчитывается. Возвращается назад, перечитывает одни и те же строки. Иногда задерживается на одном месте дольше, чем на остальных, словно не верит написанному.

Так и застывает примерно на час.

Я сижу рядом и почти не дышу. Считаю вдохи, чтобы не сорваться, не начать плакать или говорить лишнее. Смотрю то на него, то на Мишу, который возится с игрушкой на ковре, не понимая, что прямо сейчас рушится мир его деда — и мой тоже.

Когда папа заканчивает, он отдает без слов мне телефон. Просто протягивает его, даже не глядя на экран. Снимает очки, аккуратно кладёт их рядом, как всегда — линзами вверх. И с трудом, опираясь на трость, поднимается.

Ни слова. Ни вздоха. Ни комментария.

И уходит в ванную.

Я не тороплю.

Я понимаю, как это тяжело. Мне самой понадобилось больше двенадцати часов, чтобы все это осознать. Двенадцать часов, в течение которых я то сидела, уставившись в одну точку, то механически кормила Мишу, то ловила себя на том, что просто смотрю в стену и не могу ни заплакать, ни закричать.

Я, когда увидела, что Артем и Снежа обсуждали, у меня волосы на теле встали дыбом. Буквально. Кожа покрылась мурашками, будто меня облили ледяной водой, и она тут же впиталась под кожу.

Такие слова как «да когда он уже сдохнет», «подожди, еще немного и квартира станет твоей», «он уснул, заходи» и еще много подобного кого хочешь расстроит.

И это еще мягко сказано.

Это не какие-то левые люди. Не чужие. Это родная дочь такое пишет о папе. Любовнику. Человеку, которому доверяла, которому помогала, которого считала семьёй.

Они занимаются дележкой папиной квартиры, хотя папа еще жив! Это даже не подлость — это что-то за гранью человеческого.

При том, что папа никогда ничего не жалел для Снежи. Всегда помогал и деньгами, и делом. Закрывал ее долги, поддерживал, вытаскивал, когда ей было тяжело, даже в ущерб себе.

Мне даже кажется, что Раиса сюда ездит только потому, что тоже надеется урвать кусочек наследства. Ну, или чтобы убедиться, что я в последний момент не переубежу отца.

Потому что по завещанию квартира папы достается именно Снеже. Все об этом знают. Это не тайна.

Папа даже как-то говорил со мной на эту тему. Спрашивал, не обижусь ли я на такое его решение.

Ну а я что?

Я надеялась на то, что папа справится с болезнью, и квартира его мне не понадобится. У меня в тот момент уже была семья и дом. А у Снежи не было ничего. Только работа и шаткая уверенность в завтрашнем дне.

Вот отец и подумал, что будет неплохо, если он поможет именно Снеже. Потому что на зарплату Раисы мать вряд ли бы смогла толком помочь Снеже. Раиса и сама жила в аренде всю жизнь, перебиваясь от одного варианта к другому.

Так, может, Раиса действительно рассчитывала на кусок этой квартиры?

Потому что Снежа точно на нее рассчитывала. Так рассчитывала, что терпячки не хватало, и она часто нылась Артему в переписках, не стесняясь формулировок.

А тот ей активно поддакивал и уговаривал потерпеть.

Я, когда начала только фотографировать их диалог, сначала подумала, что это он уговаривает ее потерпеть до развода со мной...

А оказалось, что все куда хуже...

(далее диалог сохранён без изменений)

Вот так живешь с людьми бок о бок много лет и даже не подозреваешь об их гнилой сущности. Отдаешь им всю себя, своё время, свои силы, свою заботу — а они... А им от тебя нужно только то, что можно взять и унести.

И это я даже не про себя. И про папу тоже.

Каково ему сейчас знать, что родная дочь хочет, чтобы он поскорее помер, чтобы завладеть его квартирой? Что ждёт его смерти как события в календаре, которое вот-вот должно наступить?

Тут я слышу, как дверь в ванную открывается и шаркающие звуки шагов приближаются. Эти звуки почему-то пугают меня сильнее, чем тишина.

Папа возвращается, берет свой телефон и садится на диван.

Лицо сосредоточенное. Очень собранное. Складка меж бровями отчетливо выдает не боль — злость и решительность.

— Что такое?

— Ц, — папа поднимает указательный палец, отыскивая в телефоне номер.

Я киваю. Окей. Не лезу. Пусть сам разбирается. У него все-таки рак, а не деменция.

Хотя с памятью есть определенные проблемы...

(звонок — без изменений)

И у меня руки покрываются мурашками от такого «юмора».

Когда он отключается, он смотрит на меня. Я вижу, как на его бледном лице появляется румянец, а глаза блестят. Это не слёзы. Это злость. Чистая, живая, дающая силы.

— Ну, я им покажу. Ждут, чтоб я скорее помер? Я еще сто лет проживу, и хрен я им, что оставлю! Подавятся!

Я вздрагиваю. Но одновременно внутри появляется странное, почти постыдное облегчение. Его не сломали. Не убили. Не уничтожили.

— Завтра же поменяю завещание и обрадуем дражайших родственничков!

— Нет, пап, стой, стой, подожди.

— В смысле подожди? Чего ждать?

Я беру его за руку. Его ладонь сухая, теплая, живая. И улыбаюсь ему так, как умею — мягко, ободряюще, с надеждой.

— Есть у меня определенный план, но для этого надо немножко подождать и подыграть им. Хочешь повеселиться немного?

— В смысле? Ты что задумала, дочь? Надо это все на корню зарубить!

— Нет, пап... — я говорю тихо, но уверенно. — Пока всех карт на руках у меня не будет, надо делать вид, что мы ничего не знаем.

Он смотрит на меня долго. Потом вздыхает, словно принимает тяжелое, но нужное решение.

— Ладно. Тебе виднее, дочь.

Он грозит кулаком.

— Но я бы им напихал за шиворот!

Я улыбаюсь.

Мне всегда нравилось, как папа произносил это слово — «дочь». Грубым, прокуренным голосом, но так мягко, так по-своему.

Мне будет этого не хватать...

Я протягиваю ему телефон и показываю диалог Артема с Кариной.

— Сегодня у нас с тобой в развлекательной программе шоу под названием «Притворись моей бывшей». Хочешь поучаствовать?

Глава 17: Время звонить сестренке!

Папа не в восторге, но не сопротивляется. Он понимает меня. Его тоже предали.

Поэтому ближе к вечеру я вновь надеваю маску Карины и лезу в Телеграм.

Читаю последние сообщения.

«Я заказала столик на 20:00, не опаздывай. И раз уж я пригласила, то угощаю я».

«Ну, что ты! Вот еще. Я сам все оплачу. Это и отличает мужчину от альфонсов».

Ага, отлично.

Пишу Артему ответ, подогревая его ожидание. Мне нужно, чтобы он не соскочил.

«Блин, даже не верится, что в мире еще остались настоящие мужчины. Ты чудо!»

Он отвечает моментально.

«Нет, это ты мое чудо. Я нашел тебя резко, но теперь понимаю, что все неспроста. Я никогда не верил в знаки, но наша встреча — это определенно он».

— Ох, господи, — папа кривится, когда я прочитываю ему вслух последние слова Артема. Я пока не открываю сообщение, зачитываю из уведомлений и покатываюсь со смеху. — Ну и язык у него...

— Чего не скажешь ради выгоды, пап.

— Да уж... — он не до конца разделяет мое веселье. Ну, то и верно. Это у меня было время все это принять. Папа еще под впечатлением и несколько пришиблен.

Он записывает все, что сегодня случилось в своей записной книжке, чтобы не забыть. Иногда провалы в памяти с ним все же случаются.

— Дочь, я больше не хочу, чтобы Снежа появлялась в моем доме.

Я кусаю губы, обдумывая, как это можно осуществить. Ведь если запретить Снеже напрямую здесь появляться, то это может вызвать подозрения. А нам это пока не на руку...

— Потерпи пару дней. Я все обговорю с юристами, проконсультируюсь в спокойной обстановке, и тогда уже можно будет все «взрывать». Представь, если мы завтра скажем им «мы все знаем!» — я словно коварная пиратка восклицаю и поднимаю палец к потолку, — ... поднимется шум, гам, и Артем может начать вставлять мне палки в колеса. А я хочу убедиться, что развод пройдет гладко для меня. Он и так будет непростым. У нас же Миша и ипотека... Да и тем более он о чем-то хотел договориться с Кариной! Я завтра постараюсь выяснить, о чем именно он с ней говорил, и тогда уже можно будет рвать их на кусочки... Ладно?

— Да, да, без проблем, — вздыхает отец. — Не думал, что на смертном одре ввяжусь в интриги, скандалы и расследования. Я надеялся помереть в кругу семьи и что каждый из вас всучит мне по стакану с водой.

Я не удерживаюсь и хмыкаю.

— Ну и шутки у тебя, пап. В комнате аж потемнело.

— Какие времена, такие и шутки.

В восьмом часу вечера я беру телефон и уже со своего родного телефона звоню Артему.

Он долго не берет трубку, но все же берет.

— Да, Лисенок, что-то срочное? Я работаю.

— Привет, солнце, — я ласково воркую, улыбаясь отцу. — Тебе привет от папы. Ты приедешь сегодня? Мы тут курочку запекли. Поужинаем сегодня, выберем хоспис. Как тебе план?

— Э... — Артем тянет озадаченно. Скорее всего, лихорадочно соображает, как бы от меня отмазаться. — Так. Ну, у меня тут завал просто выше крыши. В прямом смысле. Крыша протекла, я восстанавливаю, чтобы зал не залило. Если сейчас этот вопрос бросить на самотек, то у меня точно все потечет. Твой отец не обидится, если я не приеду?

— Нет, что ты. Конечно, оставайся и все сделай. Нам убытки не нужны, — уверенным тоном заявляю. — Все в порядке. Не перетрудишься только.

— Спасибо, Лисенок. Все, я побежал. До связи, целую.

— И я тебя, — я отключаюсь, хитро смотрю на папу. — Ну, как я тебе?

— В тебе определенно умерла замечательная актриса.

— Ой, кто только во мне не умер. Целое кладбище талантов. Их всех погребла под собой туша домохозяйки.

— Ну, ну, не стоит. Ты замечательная мама и домохозяйка. Ты столько делаешь и для своей семьи, и для меня тоже. Да и для Снежи, что греха таить. Жаль только, что Артем и Снежа это так и не оценили по достоинству, — отец качает головой и сурово отрезает. — Им же хуже.

Я достаю телефон, который вибрирует.

Смс от Артема. Только не мне, а «Карине».

«Я выдвигаюсь в ресторан. Ты уже едешь?»

Я кусаю губы и все же открываю диалог.

«Заканчиваю последнее дело и выезжаю к тебе. Наконец-то!»

— Началось, — смотрю хитро на папу. Он тяжело вздыхает, усаживаясь удобнее в кровати. Хлопает рядом с собой.

Я беру Мишу, усаживаюсь рядом с папой, и мы все углубляемся в переписку.

«Я на месте. Жду тебя»

Начнем...

«Отлично! Я немного задерживаюсь. Тут пробка. Можешь уже заказывать. Я как раз приеду к подаче. Не люблю ждать заказ»

«Хорошо. Что тебе заказать?»

Я уже подготовилась, заранее просмотрела меню и поэтому быстро пишу ответ:

«Закажи мне, пожалуйста, салат из тигровых креветок, мидий и кальмаров. Там такая вкусная мятная заправка! Просто чудо! Можешь тоже попробовать».

Рекомендую.

А еще, пожалуйста, стейк из лосося с брокколи и соусом просекко.

А! И вина, конечно. Там у них есть Шабли Гийом Вринье. Французское.

Французы знают толк в хороших винах.

Или если ты любишь красное, то у них шикарное Амароне Вальполичелла... Кажется так. В общем, спроси точное название у официанта. Я помню, что оно из Италии и стоит тринадцать, что ли, тысяч... что-то около того».

И смайлик-сердечко.

Артем довольно долго не отвечает. Я несколько нервничаю. Он раскусил меня? Или, наоборот, повелся?

Он прочитал, но не ответил. Может, он сейчас даст заднюю?

Но тут мне приходит ответ.

«Заказал»

— Какой он скупой на слова стал, — хмыкает папа. — А как тебя поносил красиво... м-м-м, — папа мотает головой. — Белиссимо!

Я хихикаю, Миша поддакивает нам.

Смотрю на время: 20:44.

И тут начинается:

«Ну, что? Ты где?»

«Еду»

«Где едешь?»

«Суворовская улица. Тут пробка ужасная»

«Ладно. Жду»

«Начинай без меня. Я понимаю, что ты наверно очень голодный после работы».

«Ладно»

Мы с отцом переглядываемся и включаем видосики в ютьюбе. Просто развлекаемся сами и Мишу развлекаем. Через пятнадцать минут Артем снова пишет.

«Ну, что, ты где?»

«Да еду, еду»

«Долго еще?»

— Какой он нетерпеливый, — ворчит отец, но выглядит довольным.

Я кусаю губы и залихватски пишу:

«Артем, не торопи меня. Пробка все равно не рассосется сама собой. Я еду»

Мы расслабленно смотрим шортсы еще минут двадцать, пока Артем не звонит мне.

Разговор с мужем в мои планы не входит, поэтому я не беру трубку. А потом, спустя пару минут, как звонок сбрасывается, коротко пишу ему:

«Артем, я попала в аварию. Встретиться не получится»

И во мне не всколыхнулась ни единая струна души. Совесть осталась спокойной...

Единственное, о чем я жалею, это то, что я не увижу его лица в эту минуту.

— Жестко ты его. Интересно, какой там счет будет?

— Не больше, чем стоимость айфона, — холодно реагирую, залезая в телефонную книгу.

Папа хмурится.

— Это еще не все? Что ты задумала?

— Конечно, не все. Теперь время звонить дорогой сестренке и... Жаловаться на мужа!

Препоследняя рекомендация для вас, сладкие мои!

Ольга Гольдфайн - "Страсти по разводу"

<https://litnet.com/shrt/RC4l>

Глава 18: Я этого не забуду.

Василиса

Я набираю Снежу тут же.

— Привет, — отзывается она полусонно.

— Привет. Ты спишь, что ли?

— Да, немного задремала.

— А работа как же?

— Да задолбала эта работа. Не каждый же день на ней горбатиться по десять часов. Вот прилегла... Ты что-то хотела?

— Да ладно, это не срочно. Спи, я потом позвоню. Просто мы с тобой с того раза так и не говорили об Артеме... думала поговорить. Мне же не с кем это обсудить даже...

— А что с Артемом? Что-то еще случилось? Я думала, раз ты не звонишь, значит, помирились.

Я слышу, как она напрягается, и продолжаю в том же деланно легкомысленном духе.

— Да ладно, отдыхай, я потом...

— Снежа, говори уже. Я все равно проснулась.

— Ох, ладно... Ну, мы с ним действительно все обсудили и вроде как помирились. Он мне все объяснил. И да... Это было неприятно, но он ведь действительно не изменял мне. Просто оступился... Его можно понять, столько работы, стресса...

— Угу. Но? Я предчувствую «но».

— Но я боюсь, что он продолжает меня обманывать...

Я намеренно замолкаю: пусть Снежа понервничает. Пусть подумает, будто бы я что-то заподозрила об их связи.

— Так? И?! — ее голос чуть ли не звенит от напряжения. Я слышу шуршание, будто она села в постели.

— Ну что и? Чувствует мое сердце, что здесь что-то не так. Он при мне удалил ту переписку, и я толком ничего не успела прочесть. А сегодня к папе приезжал Игнат, ну ты знаешь... Твоя мама наверняка рассказала тебе?... — закидываю удочку с легкой вопросительной интонацией.

— Эм... Нет. Мама ездила к папе?

— Ага. Она помогла нам сегодня с обедом, я так ей благодарна за это!

— Ага, она молодец. Так и что там с Игнатом?

— Да что-то... Игнат сказал, что Артем ему сказал, будто у него поставка какая-то важная вечером.

— Ага. Так? И?

— А мне Артем сказал, что у него крыша течет и надо ее срочно налаживать. Вот я и думаю... Странно это. Тебе Артем ничего не говорил?

— Мне? А что бы мне он говорил? С чего бы ему что-то говорить мне? — она хихикает. И я понимаю — Снежа нервничает.

— Да мало ли, вдруг виделись или переписывались. Вдруг Артем еще что-то говорил.

— Нет! — выпаливает она резко и тут же смягчается, добавляет быстро, чтобы побыстрее перебить свою первую реакцию. — Нет, мне он ничего такого не говорил. Мы вообще мало общаемся. Слушай, так, может, у него и то и другое дело есть. И поставка важная, и крыша течет.

Ага. Крыша течет у него однозначно. Только не магазинная.

— Не знаю... Тогда почему он мне одно сказал, а Игнату другое.

— Так, одно другого не отменяет. Вдруг, когда Игнат ему звонил, у него только поставка была вечером. А когда позвонила ты, крыша потекла. Да мало ли что может случиться, а ты только зря накручиваешь себя.

— Думаешь?

— Ага. Наверняка есть какое-то объяснение.

— Не знаю... Мне так не кажется, сестренка. Вдруг он опять с ней связался... — я красноречиво замолкаю.

— С кем?

— Ну, с ней... С Кариной.

— Да ну нет! Бросай ты это гиблое дело, Вася! Только себя накручиваешь! — ох, как Снежу это задело. Она аж вся натянулась как струна по ту сторону телефона.

Я добавляю дрожания в голос.

— Нет, нет, мне кажется, что-то здесь нечисто... И Артем мне не отвечает. И не захотел к папе приехать!

— Ну, хочешь, я к нему съезжу? Проверю.

— Ой, что ты! Снежа! Я так не могу тебя использовать! У тебя же работа. Я не могу тебя отвлекать.

— Ну а зачем ты тогда мне звонишь? Все равно отвлекаешь.

— Одно дело поговорить и услышать мнение, а другое дело, если ты попрешься через весь город по холоду на этот его рынок, проверять там ли он. Да и что ты ему скажешь?

— Найду что сказать. Скажу, что... За продуктами приехала и в гости решила заскочить!

Ох, какая она находчивая...

— Ты действительно это сделаешь? Ради меня?

Ох, как трогательно у меня выходит.

— Да. Для этого и нужны сестры, верно? Помогать в трудную минуту, — она хмыкает мне в трубку. — Я тебе напишу или позвоню, как что-то узнаю.

— Хорошо. Спасибо тебе большое, Снежа! Я этого не забуду.

Еще как не забуду!

Помощница, блин.

Но мне же на руку, если она сейчас поедет к Артему и начнет ему мозги делать. А то, видите ли, Артему только жена мешает и сын... А пусть еще любовница мешает! И бывшая заодно!

Я отключаюсь и открываю диалог, в котором мне Артем уже настрочил кучу сообщений!
«В смысле не получится?! Как так?»

Я же уже все заказал.

Ты так серьезно не приедешь?

Сильно пострадала?

Где ты? Я приеду!

Карина!

Ответь!

С тобой все в порядке?!»

Я читаю все эти сообщения и удрученно кусаю губы. Как он о ней заботится... А еще нервничает о счете.

А напишу-ка я ему еще кое-что. От себя!

Залезаю в наш с ним чат и уже от своего лица строчу:

«Дорогой, а ты прям очень сильно занят? Тут папе плохо стало. Снова упал. Да и Миша раскапризничался... Мне очень нужна твоя помощь»

А потом захожу обратно в диалог с Кариной и пишу уже ответ Артему от ее лица, предварительно посмотрев по картам, где сейчас самая жесткая пробка в его районе:

«Я стою на перекрестке за суворовской как раз. Полиция все никак не доедет, а тут какой-то здоровый мусульман требует с меня деньги!»

Хотя это он в меня врезался.

Если подъедешь, я буду рада твоей поддержке»

— Боже, я отдала бы левую руку, чтобы увидеть сегодняшний день лицом Артема... по моим губам скользит улыбка, пока взглядом я скольжу по строкам слов в смартфоне.

Отец смотрит на мои действия, читает то, что я пишу, а потом смотрит на меня долгим задумчивым взглядом.

— А я думал, что ты у меня белая и пушистая девочка, зайчонок-бельчонок...

— Белки, папа, чтоб ты знал, вообще-то, всеядны. Пусть большинство из них питается растительной пищей, но некоторые из них могут быть активными хищниками, — я смотрю на папу внимательным взглядом. — Не стоит недооценивать и злить маленьких белочек, они могут откусить тебе голову.

Отец моргает, отводит взгляд в сторону, а потом задумчиво изрекает:

— Знаешь, пожалуй, мое решение оставить квартиру тебе и Мише в свете новых событий самое лучшее. В твоих руках то единственное, что я заработал, за свою жизнь будет в целости и сохранности. Я не сомневаюсь. Завтра придет юрист, и все оформим...

Ягодки, приглашаю вас в еще одну новинку нашего литмоба от Дарина Вэб "Развод. Хочу твою жену"

<https://litnet.com/shrt/AqSh>

Глава 19: То, что в его голове.

Артем.

Я щелкаю мышкой, и на зеленом «сукне» экрана карты раскидываются в нужную мне комбинацию. Солитер отлично помогает отвлечься. Пока пальцы тыкают по клавишам, мозг думает.

Телефон истошно вибрирует как раз в тот момент, когда я сижу в магазине с пухнувшей от вопросов головой и активно пытаюсь сообразить, кому и что я говорил...

Я кидаю взгляд на экран и хмурюсь.

Игнат звонит. Ну, надо же. Живой еще. Не помер...

— Да? — отвечаю я, зажимая телефон между плечом и ухом, пока лезу в ноут.

— Здравова, братишка, — голос Игната звучит по обыкновению спокойно, с веселой ноткой. Так странно слышать его после полутора лет молчания. И так странно слышать, что он радуется. Чему можно радоваться с его работой?

— Ого! Кто звонит! — я стараюсь звучать радостно, но внутри всё напрягается. — Удивил, удивил. Ты вернулся?

— Не то чтобы вернулся... В отпуск отпустили на месяц. Хотел тебя увидеть. Ты сейчас где?

Черт. Только этого не хватало.

Я выпрямляюсь, лихорадочно соображая. Сегодня вечером у меня встреча с Кариной, и я не могу её пропустить. Слишком много поставлено на карту.

— Да на работе, тружусь в поте лица. Где мне еще быть? Но это... Сегодня никак, Нат, — я изображаю искреннее сожаление. — У меня важная поставка вечером, без меня никак. Там новые поставщики. Если не приму их, они точно кинут моих продавщиц. Они те еще курицы...

— Что у тебя за работники, на которых ты не можешь положиться? — в его голосе слышится суровое разочарование.

— Да ни на кого сейчас нельзя положиться, — усмехаюсь, радуясь, что он поверил. Правда, теперь он думает, что я растяпа, который не может нормальных людей нанять. — Очень сложно найти ответственных сотрудников. Эти вроде нормальные, но эта поставка очень важна, так что мне лучше проконтролировать. Надеюсь, поймешь...

Блин...

Не люблю, когда меня считают за недалекого растяпу... Ляпнул не подумав! Черт! Вот что значит, спонтанность! Подумать не было времени... Просчитать слова. И теперь Игнат думает, что я тупица!

Ладно, лучше пусть думает, что я недалекий, чем узнает правду.

— Ладно, я понимаю. Работа тебе сейчас очень важна. Ты кормишь семью, все верно. Как, кстати, Василиса и Миша?

— Да отлично! Что им будет? За мной как за каменной стеной. Мы же Волковы.

— Верно, — спокойно отзывается Нат. — Рад слышать. Ладно. Тогда заеду к вам завтра.

— Конечно, завтра обязательно! — радостно обещаю я, уже зная, что найду причину отказаться, если понадобится. — Ты же на целый месяц вернулся. Ещё успеем наговориться! — я чувствую облегчение — времени полно, чтобы уладить все дела.

— Ладно, я тогда к Якову Егоровичу заеду, проведаю, а то, может, больше не выдастся возможность увидеться... — с подтекстом произносит Нат, словно даже не со мной говорит, а чисто вслух мысли озвучивает.

Терпеть не могу эту его привычку. Морщусь. Ох уж это его излишнее благородство. Будто Яша дольше проживет от этого его визита.

Ладно, пусть едет к свекру. Ещё немного, и он сдохнет, и мои мучения, наконец, прекратятся. Главное, чтобы он не отбросил коньки раньше времени. Но и надолго не затянул с отходом в лучший мир.

Но, судя по всему, он не планирует задерживаться. Насколько я знаю, Яша и сам устал уже от такой жизни.

— Ну, давай, Нат. Будем на связи, рад, что ты вернулся. Завтра созвонимся?

— Ага. До связи.

Он заканчивает разговор, и я выдыхаю.

Сунув телефон в карман, выхожу из магазина, сажусь в машину и выруливаю из узких опостылевших мне дворов, среди которых и находится рынок, на котором я обосновался.

Ничего, недолго осталось терпеть. Скоро я вылезу из этой клоаки и смогу вложить бабки в настоящее дело.

А сейчас я должен заехать в банк, снять наличку.

Пальцы барабанят по рулю в нетерпении.

Брат, конечно, вовремя нарисовался... У меня только-только наклюнулось с Кариной, а тут он со своими визитами.

Что я ему скажу при встрече?

«Привет, братишка, как там на фронте?»

Он же все равно ничего не расскажет.

Или что, может, мне с ним Васю начать обсуждать? Чтоб он опять по ней начал слюни пускать?

Хм...

А что, это идея. Никогда не перестану получать удовлетворение от мысли, что он от нее отказался из-за своей работенки, а теперь локти кусает. Это меня греет.

Не все же ему в этой жизни у меня забирать. Иногда полезно напомнить, что он не пуп земли и спускать его на землю.

Да ну его к чёрту, короче. Сначала разберусь с Кариной, а потом уже буду думать, что делать с Игнатом.

В банке всё проходит гладко. Я снимаю сто пятьдесят тысяч — хватит и на ресторан с Кариной, и на непредвиденные расходы. Ещё триста тысяч остаются на тайном счёте, о котором Василиса не знает. А в карманной записке дома у меня ещё около двух миллионов. Ну и, конечно, основной счёт, с которого я плачу ипотеку и покупаю продукты — там достаточно, чтобы не вызывать подозрений, но не настолько много, чтобы Василиса решила, что может тратить на себя.

Женщинам нельзя давать в руки много денег, сразу начинают о себе много думать и наглеть.

Я выхожу из банка с приятной тяжестью в кармане. Денежная котлета греет грудь. День начинает налаживаться. Я уже отошел от тупой дерзости Карины, и надо как-то выкруливать этот диалог в нужное мне русло.

Я открываю с ней чат и перечитываю внимательно диалог.

«Знаю. Нормальный мужик, который бы смог позаботиться о тебе и зарабатывал бы столько же или даже больше».

«Знаешь таких?»

«А вот сейчас обидно было.» — это мое последнее сообщение, в котором я не сдержался. И она мне тоже больше ничего не ответила.

Вот же гадина своенравная! Вообще за языком не следит...

Но мне придется засунуть свое мнение подальше, потому что мне нужно, чтобы она согласилась со мной встретиться.

Беру и пишу ей.

«В прямом. Обидно, что ты мне сама написала, хотя я уже не надеялся на продолжение разговора, но не считаешь меня нормальным мужиком».

Она довольно быстро мне отвечает. Значит, еще не все потеряно. И если она так быстро отвечает мне, значит, она все еще хочет меня!

На этом и сыграю.

«Ну...»

«Что «ну»?»

«Ну, я же понимаю, что ты женат и у нас ничего не может быть. Чисто пообщаться же встречаемся»

Опа. Так, так, так...

Она что, действительно до сих пор не может меня забыть? Забавно... Она ведь была такой гордой, когда бросала меня. А теперь, видимо, жалеет.

Я отвечаю на её сообщения, стараясь казаться уверенным и успешным. Немного лести, немного намёков... Она должна поверить, что у меня всё отлично, что я всё ещё тот парень, которого она когда-то любила, только теперь более успешный и состоятельный.

«Воу...!»

Прям удивила. А чего бы ты хотела?»

«Какая разница?»

Я все равно этого не получу. Я профукала свое счастье»

Да, дорогуша! Профукала это еще мягко сказано. Когда это она стала такой вежливой?

Впрочем, неважно. Мне это только на руку. Вот же бабы дуры... Поверят в любую сказочку, только дай намек на то, что ты принимаешь их любыми. И толстыми, и некрасивыми, и с детьми. Любыми. И все. Она твоя. Никто не хочет стараться ради своего мужика.

Вот Снежа еще хоть как-то старается. А толку-то? Как только я на ней женюсь, будет та же самая история. Это сейчас она не хочет детей, а как только окольцует меня, так сразу же передумает и захочет привязать меня к себе. А мне одного спиногрыза по за глаза хватает. Мне еще алименты платить Лисе.

Но эту часть расходов, допустим, я могу сократить, забрав у нее Мишу. Второго ребенка я забрать пока не могу, она еще не родила, а потом вопящий кулек мне нужен. Но в целом через пару лет он уже будет в состоянии ходить на горшок сам. И можно будет забрать. Подам на опеку, и через моего знакомого заберем и этого ребенка. И тогда вообще алименты из статьи расходов можно будет вычеркнуть.

Главное, набраться терпения. И не упустить сейчас Карину.

«Я могу стать для тебя этим счастьем»

«Как? Ты же женат!»

Ты любишь свою жену?»

«Как думаешь, я отвечал бы тебе, будь это так?»

«Боже...»

Я не думала, что все зайдет так далеко, когда писала тебе. Я думала, что ты пошлешь меня...

Но я так больше не могу»

«Что именно?»

«Столько лет уже прошло, а я все не могу забыть тебя»

«Правда??? Ты сейчас не врешь?»

«Правда. Я часто вспоминала нас. И то, как бросила тебя... Я совершила большую ошибку!»

«О боже, мой, Карина!»

«Я тоже думал о тебе!»

«Я жену свою вообще уже не воспринимаю... Она не следит за собой, после родов расплылась. Пилит мне мозг.

Ей от меня только деньги и нужны! Поэтому я тебя очень понимаю... Она тебе и в подметки не годится»

«Так почему ты все еще с ней?»

«Так мы же уже обсуждали.

Если я подам на развод, она меня засудит, все отберет. Она тот еще тиран в юбке. Она способна на все что угодно. Поэтому я к тебе и обратился. Ты моя последняя надежда. Просто сбежать я не могу. И у нас же ребенок. Я не могу его оставить с ней.

Я не такой».

Я вглядываюсь в экран и постепенно начинаю нервничать. Почему она не отвечает так долго? Неужели я переборщил, и она слетела с крючка?!

Ягодки мои, у меня для вас последняя рекомендация в рамках литмоба "Неправильный развод". Внимание, книга для читателей старше 18 лет.

Оксана Лебедь - "Развод. Кому ты нужна в 45?"

<https://litnet.com/shrt/rEpF>

Приятного чтения!

Глава 20: Вы что, сговорились?!

Артем.

Она отвечает только через время, когда я уже успел изрядно попотеть. Но писать было дальше нельзя! Нельзя показаться ей супернавязчивым.

«Извини, отвлекли на работе. Да, я понимаю тебя. Давай встретимся сегодня вечером и все обсудим. Все будет хорошо»

— Фу-ух... — я завожу пальцы в волосы и массирую кожу головы.

Любят бабы истрепать нервы.

Но все же я улыбаюсь.

Она клюнула.

Карина ты ж мой золотой ключик, рыбка золотая. Курочка, что снесет мне золотое яичко.

Молодой адвокат по разводам, который поможет мне избавиться от Василисы с минимальными потерями. Вася наверняка будет думать, что я не смогу её выселить из квартиры, потому что она беременна и с ребёнком. Наивная дуручка. С хорошим юристом я могу сделать всё что угодно. А если этот юрист ещё и запал на меня...

С правильными словами я смогу вертеть Кариной, как захочу, и она сделает ради меня все что угодно. Хоть перепишет свою компанию на меня.

Хм... а это мысль.

Я направляюсь в магазин, по дороге обдумывая план. Жаль, конечно, что пришлось потратиться на айфон для Снежи. Но что поделать — мне нужна информация о старике, его состоянии и планах. Я должен знать, когда он отправится в мир иной, чтобы быть готовым продать квартиру по максимально выгодной цене.

Снежа — неплохая девчонка, красивая. Развлекаться с ней приятно. Легко ведется на подарки и ласку. Такую несложно держать на крючке. Василиса сложнее — у нее мозги свернулись после родов, и она ничего кроме сына не замечает. Неприятно, но мне на руку. Можно потерпеть.

Тут Карина пишет мне название какого-то ресторана, о котором я даже не слышал. Лезу гуглить.

— Нифига себе у тебя запросы... — лазаю по сайту ресторана, офигея от цен в меню.
— А губу тебе не закатать, дорогая?

Ладно! Черт с ней. Свожу ее в этот дурацкий ресторан. Пусть думает, что может вертеть мной, как захочет. Это лишь шаг в моем плане. Непредвиденный, но как есть...

День все-таки испорчен, но чего не сделаешь ради благополучного будущего.

Вечером мой телефон вибрирует — звонок от Лисы.

— Да, Лисёнок, что-то срочное? Я работаю.

— Привет, солнце, — она звучит вроде спокойно и даже радостно. Что и требовалось доказать. Отходчивая глупая курица. Я, конечно, тоже молодец. Надо было не надеяться на технику, а самому удалить переписку, тогда бы она вообще ничего не заподозрила. Но даже так она буквально не заметила под своим носом важных вещей! И вот, уже радостная у папаши сидит. — Тебе привет от папы. Ты приедешь сегодня? Мы тут курочку запекли. Поужинаем сегодня, выберем хоспис. Как тебе план?

Вот блин... Я совсем забыл про хоспис. Опять бабки тратить... Сколько еще? Туда, сюда, сплошные растраты. Это мои бабки!

— Э... Ну, у меня тут завал просто выше крыши. В прямом смысле. Крыша протекла, я восстанавливаю, чтобы зал не залило. Если сейчас этот вопрос бросить на самотек, то у меня точно все потечет. Твой отец не обидится, если я не приеду?

— Нет, что ты. Конечно, оставайся и все сделай. Нам убытки не нужны. Все в порядке. Не перетрудишься только, — она соглашается спокойно. Конечно, ей убытки не нужны... Готова меня на этой работе сгноить. И если я просто лишний час посплю, то уже мозг начинает есть.

Вот бабы... лишь бы бабки из мужиков сосать.

Лучше бы сама научилась сосать.

— Спасибо, Лисенок. Все, я побежал. До связи, целую, — заканчиваю разговор и тут же возвращаюсь к переписке с Кариной.

Я немного нервничаю — место дорогое, но оно того стóит. Мне нужно произвести на неё впечатление. Если всё пройдет как надо, я смогу получить профессиональную юридическую помощь в разводе и, возможно, даже скидку. А может, и бесплатно, если мы возобновим отношения.

Сегодня и пойму, что можно с нее стрясти.

Вечером я приезжаю в ресторан раньше назначенного времени. Надеваю свой лучший костюм. Карина должна увидеть, кого потеряла.

Я пишу ей, зная, как женщины любят опаздывать:

«Я на месте. Жду тебя».

Я смотрю на время: уже 20:15, а её всё нет, но она отвечает.

«Отлично! Я немного задерживаюсь. Тут пробка. Можешь уже заказывать. Я как раз приеду к подаче. Не люблю ждать заказ»

Я тяжело вздыхаю. Вот наглая. Всегда такой была. Нет чтоб самой все себе заказать...

— Официант! — я поднимаю руку и вижу то, что она мне пишет... Черт, это на сколько вообще выйдет?!

— Здравствуйте. Меня зовут Александр. Сегодня я ваш официант. Что будете заказывать?

— Я жду девушку. И она заказала... — я смотрю в телефон и зачитываю ему то, что она мне тут понаприсылала. Капец, и это в нее влезет?! Ну, она и жрать! Блин, надеюсь, она не растолстела за эти годы.

Она все шлет мне смски, и тут я читаю последнее...

«...Я помню, что оно из Италии и стоит тринадцать, что ли, тысяч... что-то около того».

СКОЛЬКО? Тринадцать штук за бутылку?

— А у вас есть вино красное Амароне как-то...

— Амароне делла Вальполичелла классико?

— Да, наверно...

— Какого года вас интересует? У нас есть шестнадцатого и девятнадцатого. К сожалению, восемнадцатого года закончилось... самое популярное, — официант с деланной вычурностью печально качает головой.

Ага. Думает, что я не шарю.

— Давайте шестнадцатого. Мне оно больше нравится.

Он кивает и удаляется. А я лезу в меню.

Реально тринадцать тысяч!

Да они офигели!

И Карина тоже!

Пишу сообщение, она отвечает, что в пробке. Ладно, подожду. Заказываю всё, что она попросила — чертов салат за две тысячи, стейк почти за четыре, и вино...

Тринадцать тысяч! Да я столько не трачу на еду за две недели! Но делать нечего — если я хочу получить её помощь, придется раскошелиться.

Время идёт, Карины всё нет. Я начинаю нервничать, отправляю ей сообщение за сообщением. Официант уже косится на меня с сочувствием. Попытка дозвониться заканчивается ничем — она не берет трубку.

Вот же блудливая... Стерва!

Решила меня за нос поводить? Подразнить?

И наконец, когда часы показывают почти девять, приходит сообщение:

«Артем, я попала в аварию. Встретиться не получится».

Я смотрю на это сообщение, и внутри всё закипает от ярости.

Аварию? АВАРИЮ?!

И все?! Никаких подробностей, никаких извинений за потраченное время и деньги?!

— Будете оплачивать счет или подождете еще? — вежливо интересуется подошедший официант.

Я смотрю на столик с нетронутыми блюдами и открытой бутылкой дорогущего вина. Девятнадцать тысяч за ужин, который я даже не попробовал!

Я же как услужливый тупица ее ждал!

Бабки коту под хвост!

— Да, — цежу я сквозь зубы. — И упакуйте всё с собой.

Пока официант уходит, я пытаюсь позвонить Карине ещё раз — безрезультатно. Пишу ей гневные сообщения, но она не отвечает. Что за дерьмо? Она что, кинула меня?

Телефон звонит, и я хватаю его, ожидая увидеть имя Карины. Но это Снежа.

— Чего тебе?

— Привет, милый, — она звучит взволнованно. — Слушай, Вася мне только что звонила, спрашивала, не знаю ли я, где ты. Говорит, что ты ей сказал про крышу, а Игнату про какую-то поставку...

— И? — огрызаюсь я, и тут подходит официант.

— Будете оплачивать наличными или безналичный расчет?

— Наличными!

— Что? Наличными? Ты о чем? А где ты, Артем?

— Не твое дело. Мне сейчас некогда.

— Подожди, Арт...

Я сбрасываю звонок и расплачиваюсь. Снежа снова звонит.

— Да?!

— Не смей бросать трубку! Какого черта?! Ты где вообще? Мне мозг выносит Вася! Я тебя прикрываю, а ты вот как со мной?

— Снежа, солнце, мне сейчас вот вообще не до вас.

— Ага. С Кариной встречаешься, да?

Я уже открываю рот, но замираю на полуслове.

— Откуда ты узнала о Карине?

— Вася подозревает тебя, кобель! Ты же говорил, что у вас сугубо рабочие вопросы по разводу!

— Так и есть, — цежу.

— Да? А наличными ты расплачиваешься за что? За текущую крышу? А музыка на фоне у тебя играла, это продавщицы решили устроить интимную обстановку?

— Снежа, прекращай истерить! Не бери пример с Василисы!

Я забираю пакет с едой и иду к выходу. В голове полный сумбур. Карина меня кинула, потратив мои деньги и время. Василиса что-то подозревает. Снежа тоже мозги парит вместо того, чтобы тупо ждать, когда ее мужик все сделает за нее!

Их инициативность раздражает!

Еще и Игнат приперся, и мне нужно с ним встретиться, чтоб он ничто не заподозрил и не начал задавать вопросы!

Весь план в задницу.

Сажусь в машину, бросаю пакет с едой на соседнее сиденье. Надо собраться. Так, сначала Василиса. Она мне звонила, значит, ещё не знает, что я в ресторане. Надо срочно ехать в магазин и действительно что-нибудь чинить, на случай если она или Снежа решат проверить.

Телефон снова вибрирует. Снова Лиса!

«Дорогой, а ты прям очень сильно занят? Тут папе плохо стало. Снова упал. Да и Миша раскапризничался... Мне очень нужна твоя помощь»

И тут же с разрывом в пару минут приходит сообщение от Карины.

«Я стою на перекрестке за суворовской как раз. Полиция все никак не доедет, а тут какой-то здоровый мужлан требует с меня деньги!»

Хотя это он в меня врезался. Если подъедешь, я буду рада твоей поддержке»

Да вашу ж мать! Вы что, сговорились все?!

Глава 21: Встреча с Кариной.

— Знаешь, пожалуй, мое решение оставить квартиру тебе и Мише в свете новых событий самое лучшее. В твоих руках то единственное, что я заработал за свою жизнь будет в целости и сохранности. Я не сомневаюсь. Завтра придет юрист и все оформим...

— Ты уверен, пап?

Отец смотрит на меня тем самым взглядом — твёрдым и решительным, который всегда появляется у него, когда решение уже принято окончательно.

— Я едва не ошибся самым жестоким образом в своей жизни, — его голос звучит спокойно, но я слышу в нём глубокую горечь. — И благодаря тебе я избегу этой ошибки, так что всё справедливо. Когда ты разведёшься с Артёмом, у тебя должен быть тыл и крыша над головой, уверенность в будущем. И мой дом станет для тебя и моих внуков отличной защитой.

Его слова вызывают во мне странное чувство — смесь благодарности и вины. Эта квартира должна была достаться Снеже. Все последнее время я знала, что папа оставит ей своё жильё, которое заработал тяжким трудом, чтобы ей было с чего начать самостоятельную жизнь. У меня ведь уже была своя семья, свой дом... Или мне так казалось.

Я опускаю глаза, не в силах сдержать нахлынувшие эмоции. Словно перехватила чужое наследство. Но тут же одёргиваю себя — Снежа предала не только меня, но и отца. Не заслужила она его доброты. И всё же...

— Не переживай ты так, — папа будто читает мои мысли, как всегда. — Я ухажу к твоей маме. И больше не смогу тебя защищать. Пусть хотя бы мой дом послужит этой защитой.

Его слова о маме заставляют меня поднять глаза. На них наворачиваются слёзы.

— Пап... — только и могу произнести я, прежде чем голос предательски дрогнет.

Он раскрывает объятия, и я падаю в них, как в детстве. Его руки — такие худые сейчас, но всё ещё сильные — крепко обнимают меня, и на мгновение кажется, что всё будет хорошо. Что он вылечится, что Артём одумается, что Снежа осознает свою ошибку...

Но потом реальность возвращается, и я знаю, что должна быть сильной. Ради Миши. Ради ребёнка в моём животе. Ради папы, которому и так тяжело.

Мы долго сидим в тишине, просто держась друг за друга. Это мгновение наполняет меня решимостью. Я смогу. Я справлюсь. Что бы ни случилось.

Телефон вибрирует, нарушая наш момент. Сообщение от Артёма:

«Прости, любимая, но у меня не получается приехать. Проблемы на работе, вообще возможно домой сегодня не попаду».

Я смотрю на экран с грустной улыбкой. Сколько раз я читала подобные сообщения и верила им? Сколько раз ждала его допоздна, переживала, не случилось ли чего?

А теперь знаю правду. Он не на работе. Он, скорее всего, со Снежей.

Или...

Возможно, он всё ещё в том ресторане, злится на несуществующую Карину, которая его "кинула". От этой мысли улыбка становится шире, но в ней нет радости — только горечь.

— Артём не приедет? — спрашивает папа, заметив выражение моего лица.

— Конечно, нет, — я пожимаю плечами.

Папа хмыкает, и мы обмениваемся понимающими взглядами.

— Ну и ладно, — говорит он наконец. — Нам и так хорошо.

Я киваю, чувствуя странное облегчение. Действительно, хорошо. Без лжи. Без притворства.

— Ладно, давай-ка спать, — говорю я, помогая папе подняться. — Завтра непростой день у нас всех.

Утро наступает слишком быстро. Я просыпаюсь от будильника.

Тело напоминает о беременности лёгким головокружением и позывом «по маленькому», но приходится с этим мириться. Мне некогда раскисать.

Папа уже давно не спит. Он на кухне возится у плиты. Я подхожу, пытаюсь прогнать сон из глаз. От папы пахнет лекарствами и одеколоном — наверное, брился.

Он с трудом стоит у плиты, но стоит.

— Доброе утро, — говорит он, обернувшись. — Каша почти готова.

— Ты не должен был... — начинаю я, но он перебивает меня взмахом руки.

— Ещё как должен. Мой внук не будет ходить голодным. И ты тоже.

Я улыбаюсь, чувствуя, как глаза снова начинает щипать. Проклятые гормоны... Я стала слишком чувствительной.

Мы завтракаем, собираемся. Я объясняю папе, как кормить Мишу, хотя он и так знает, потом проверяю, всё ли взяла с собой.

— Ты справишься, — говорит папа, когда я уже стою в дверях.

Я киваю, слишком взволнованная, чтобы говорить. А потом выхожу в холодное утро.

Офис юридической фирмы «Адвокаты про» выглядит солидно и одновременно просто — стеклянные двери, стильная мебель, секретарша за стойкой регистрации. Я называю своё имя, и меня проводят в небольшой, но уютный кабинет.

Карина Анатольевна выглядит совсем не так, как я представляла. Она моложе, чем есть на самом деле. И в её осанке, в том, как она держится, чувствуется уверенность профессионала.

— Здравствуйте, — она протягивает мне руку для пожатия. — Чем я могу вам помочь?

— Здравствуйте, — я пожимаю её руку, чувствуя, как во рту пересыхает от волнения. — Ну... Даже не знаю, с чего начать и как сказать...

— Да как есть, так и говорите. Со мной вы можете быть откровенны.

Я нервно улыбаюсь.

— На самом деле... — начинаю я, и голос звучит хрипло. — Я пришла не совсем за юридической консультацией.

Её брови приподнимаются в недоумении.

— То есть?

— Меня зовут Василиса, — говорю я, набираясь смелости. — Василиса Волкова. Я жена Артема.

Карина замирает, удивление на ее лице отображается в поднятых бровях и выгнутой губах.

— Вот как, — произносит она холодно, вставая. Ее идеально уложенное каре скользит по плечам. — Что ж, тогда, боюсь, я не могу вам помочь. Конфликт интересов. Вам придётся обратиться к другому специалисту.

— Пожалуйста, подождите, — я поворачиваюсь в кресле, когда она идет к двери, чтобы открыть ее. — Я не с претензиями к вам пришла или чем-то подобным. Я просто хочу поговорить.

— О чем нам с вами разговаривать? — недоуменно спрашивает Карина.

— Артем связывался с вами и я просто хотела узнать, что он хотел от вас. Вы же специалист по разводам...

— Да, я специалист по бракоразводным процессам, и я не имею права обсуждать дела своих клиентов.

— Так значит Артем уже является вашим клиентом? — я прищуриваюсь. — Насколько знаю, пока что это не так. Мне показалось из поведения Артема, что он только хочет им стать.

— Да, он еще не мой клиент, — она хмурится еще больше. Видимо ей не понравилось, что я поймала ее на таком «лукавстве», — но это не значит, что я имею право обсуждать с вами наши разговоры.

Я все-таки встаю, придерживая свой живот.

— Карина, пожалуйста, у меня нет цели вас оскорбить, обидеть или еще как-то ссориться с вами. Я просто хочу узнать правду. Уверяю, Артем хотел вами воспользоваться. У меня есть доказательства. Я даже предполагаю, что он наплел вам обо мне ужасных вещей, чтобы выставить себя в выгодном свете перед вами. Но уверяю, все не так, как может показаться! Вы же юрист, так выслушайте обе стороны, прежде чем принимать решение. Мне очень нужен этот разговор! И я не уйду, пока вы меня не выслушаете.

Карина прищуривается, глядя на меня. Потом кидает задумчивый взгляд на дверь и все же возвращается к своему рабочему столу.

— Хорошо, я выслушаю вас, — я с облегчением выдыхаю, — Но это не значит, что в конце нашей беседы вы останетесь довольной.

— Уверяю вас, моя цель не в этом, — киваю, улыбнувшись, и достаю телефон...

Глава 22: Правда.

— Начнём с самого начала, — говорю я, собираясь с мыслями. Голос звучит тише, чем обычно, и я сама это замечаю. Карина внимательно смотрит на меня, и хотя её лицо остаётся профессионально бесстрастным, я чувствую — она полностью здесь, в этом разговоре, не отвлекается ни на что. Её взгляд цепкий, сосредоточенный, оценивающий, но не холодный. Скорее... выжидающий.

— Мы с Артёмом женаты уже три года. У нас сын, Миша, ему два года, и я снова беременна, пятый месяц, — я машинально кладу ладонь на живот, словно ищу в этом жесте опору. — Все эти годы я считала, что у нас идеальная семья. Артем был внимательным, заботливым... Ну, мне так казалось...

Последнюю фразу я почти проглатываю. Она царапает изнутри сильнее всего.

Я делаю глубокий вдох, чувствуя, как воздух с трудом наполняет лёгкие. Все еще больно произносить это вслух. Больно признавать, что я ошибалась. Но я все же собираюсь с силами и начинаю рассказывать Карине всё — последовательно, шаг за шагом, начиная с того самого дня, когда Миша заболел, и я просто хотела вызвать ему врача. С того момента, который казался совершенно обычным, но стал точкой отсчёта.

По мере того как я говорю, слова будто сами выстраиваются в цепочку. Одно тянет за собой другое. Я вспоминаю детали, которые раньше казались неважными, интонации, взгляды, мелочи, на которые тогда не обратила внимания. Карина изредка кивает, иногда делает короткие пометки, но не перебивает. Она просто слушает. Дает мне выговориться. И это почему-то придаёт сил.

И в конце, когда поток слов из меня иссякает, когда внутри остаётся только глухая усталость и саднящая пустота, я протягиваю ей свой телефон с открытой галерей.

— Вот, — мой голос снова становится тише. — Вы можете сами почитать то, что мне удалось заснять. Посмотрите сами, и вы поймете, что я говорю правду. Артем врал и мне, и вам... — я делаю короткую паузу. — Я не удивлюсь, если он врет и моей сестре. Он преследует какие-то свои цели. Я только предполагаю, какие именно. Поэтому я и здесь. Мне нужно точно знать, что он хотел от вас, чтобы понимать, как защищаться... Грубо говоря, я просто хочу подстелить соломку.

Карина не отвечает сразу. Она просто берет телефон и начинает листать фотографии переписки. В кабинете становится непривычно тихо. Слышно только, как негромко щёлкает экран под её пальцами и как где-то за стеной приглушённо гудит офисная жизнь.

Её лицо остаётся невозмутимым, но я замечаю, как она слегка хмурится на некоторых сообщениях. Совсем чуть-чуть — на долю секунды. Но мне этого достаточно, чтобы понять: то, что она читает, задает и её тоже.

— Они не просто спят вместе, — добавляю я почти шёпотом, словно боюсь, что слова станут реальнее, если произнесу их громче. — Они ждут, когда умрет мой отец, чтобы завладеть его квартирой, которую он хотел оставить Снеже. Они давали ему снотворное, чтобы спокойно... — я замолкаю. Горло перехватывает. Я не могу заставить себя закончить предложение.

Карина продолжает листать, и я вижу, как её глаза расширяются, когда она читает сообщения о моем отце. В этот момент её профессиональная маска даёт трещину. Совсем маленькую, но заметную.

Она поднимает взгляд от телефона и возвращает его мне. После чего откидывается на спинку своего кожаного офисного кресла. Медленно. Взвешенно. Складывает руки домиком перед губами и задумчиво смотрит куда-то в пространство, словно прокручивает в голове

сложную схему. Затем начинает легонько крутиться в кресле, как будто это помогает ей собраться с мыслями.

Я жду молча. Не решаюсь её торопить. От этого разговора зависит слишком многое — моя безопасность, будущее моего сына, моё собственное выживание.

Наконец, она останавливается и смотрит прямо на меня.

— Мы с Артемом столкнулись совершенно случайно на заправке около месяца назад, — говорит она спокойно, ровным голосом. — Разговорились как старые знакомые. Он сказал, что у него свой бизнес, я упомянула, что работаю юристом.

Она делает паузу, слегка постукивая ногтями по столу — негромко, ритмично.

— Поймите, я не собиралась ему писать. Я даю свой номер практически всем. Потому что для меня все потенциальные клиенты. Вы в курсе, сколько разводов у нас происходит каждый год? Это уже профессиональная привычка. Ради работы, — она пожимает плечами. — Он написал мне первым, и наша переписка очень быстро стала... непрофессиональной. Он начал жаловаться на вас.

— И что именно он говорил? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри всё сжимается в плотный узел. Я уже могу предположить, что он говорил. Но одно дело предполагать, а другое — услышать это вслух.

Знать правду.

Карина слегка пожимает плечами, как будто ответ очевиден и не стоит драматизировать:

— Что хочет развестись.

— И все?

Она медлит. Смотрит на меня чуть дольше, чем раньше. Потом всё же отвечает:

— Нет, не все, — в её голосе появляется лёгкое сочувствие. — Он сказал, что хочет забрать себе сына от, цитирую, «ужасной матери». Утверждал, что вы пьете, что вы абьюзер, что забеременели снова только для того, чтобы не работать. Он хотел заручиться моей поддержкой, чтобы забрать и сына, и квартиру.

Мне кажется, что кровь отливает от моего лица. В ушах начинает шуметь, а пол под ногами словно слегка накреняется. Я знала, что Артем изменяет. Я была готова к грязи. Но чтобы вот так полностью исказить реальность? Назвать меня абьюзером? Обвинить в пьянстве?

Я беременна его ребенком, черт бы его задрал.

— Вам плохо? — обеспокоенно спрашивает Карина, поднимаясь со своего места.

Я киваю, не в силах выдавить из себя ни слова. Она выходит из кабинета, и я слышу, как она негромко переговаривается с секретарем.

В голове всё плывёт... Приятный цветочный аромат кабинета вдруг становится приторным, почти тошнотворным.

— Выпейте, — Карина возвращается со стаканом воды и протягивает его мне. — Это просто шок. Дышите глубже.

Я делаю несколько глотков, и холодная вода немного приводит меня в чувство. Руки всё ещё подрагивают.

— Спасибо, — шепчу я. — Я просто... не ожидала такого. Я знала, что он мне изменяет, но чтобы придумать такое...

— Теперь, поговорив с вами и увидев переписки, я понимаю, что произошло, — говорит Карина, возвращаясь в кресло. — В общем, я не удивлена. Артем всегда был таким.

— Каким?

— Патологическим лжецом, — отвечает она прямо, без смягчений. — Конкретно мне он не изменял, насколько я знаю, но постоянно заглядывался на других женщин. И я часто ловила его на лжи, поэтому предпочла выйти из этих отношений. Я поняла, что с ним не получится создать семью.

— Вы оказались проницательнее, чем я... — подавленно шепчу, глядя куда-то под стол, чтобы не встречаться с ней взглядом.

— Не корите себя, — мягко говорит Карина. — Артем всегда отлично умел подбирать слова. И это не ваша вина, что вы просто хотели спокойно жить рядом с любимым человеком. Когда он начал жаловаться на вас в том секретном чате, я уже поняла, что он не изменился. И что дело тут мутное. Поэтому я и предпочла прекратить диалог.

— Я так и поняла, — киваю я. — По вашим ответам было видно, что вы не особо заинтересованы.

Я делаю ещё один глоток воды, собираясь с духом для самого важного вопроса. В голове оформляется безумная, рискованная идея, и мне очень хочется, чтобы Карина сказала мне «да».

— Я хочу развестись с Артемом, — говорю я твердо, удивляясь собственной решимости. — И сделать так, чтобы он больше никогда не увидел сына. Скажите, вы возьметесь за это дело?

Глава 23: Я подаю на развод.

Василиса.

— Я хочу развестись с Артёмом, — говорю твердо. Слова звучат неожиданно спокойно, даже для меня самой. — И сделать так, чтобы он больше никогда не увидел сына. Скажите, вы возьметесь за это дело?

Я смотрю прямо на Карину, не отводя взгляда. Мне важно увидеть её реакцию — не как юриста, а как человека. Карина задумчиво смотрит на меня и молчит. Она не торопится, не отвечает сразу, будто взвешивает не только юридические риски, но и меня целиком — моё состояние, мою решимость, мою способность дойти до конца.

Молчание затягивается. Секунды тянутся вязко, почти осязаемо. Я чувствую, как напряжение медленно скапливается в плечах, но с упорством жду ответ. Я уже слишком далеко зашла, чтобы отступить.

— В судебном процессе Артем может воспользоваться фактом, что мы знакомы, — наконец произносит Карина. Её голос ровный, без эмоций. — А с учетом его характера он этим обязательно воспользуется.

Я озадаченно кусаю губы. Внутри всё ещё пульсирует жажда мести, холодная и упрямая, поэтому об этом я действительно не подумала. В тот момент мне было важно только одно — чтобы он проиграл. Чтобы больше никогда не смог причинить вред ни мне, ни Мише.

Карина, помолчав, всё равно продолжает:

— В целом, в нашем законодательстве не существует прямого запрета на такую ситуацию. Я имею право представлять интересы любого клиента, если между нами заключен договор. Однако могут возникнуть проблемы.

— Какие? — спрашиваю я, почти автоматически.

— Конфликт интересов, — жмет плечами Карина. — Личные отношения с противоположной стороной в прошлом могут рассматриваться как потенциальный конфликт. Но поскольку мои отношения с Артемом давно завершены, я не имею с ним никаких связей, то формально конфликта нет... Но опять же, юрист Артема может подать ходатайство о моем отводе.

Я тяжело вздыхаю. Словно кто-то медленно, но неумолимо кладёт мне на грудь дополнительный груз. Даже здесь, даже сейчас Артем умудряется быть проблемой.

— И опять же, — продолжает Карина, — чтобы это ходатайство сработало, нужны веские доказательства моей предвзятости, а наши прошлые личные отношения сами по себе ими не являются. Плюс, — она хмурится, потирая подбородок, — с точки зрения профессиональной этики, я уже предупредила вас о том, что я состояла в отношениях с вашим мужем. И если вы принимаете это во внимание и это вас не смущает, то теоретически я могу взяться за это дело.

— А практически? — я не выдерживаю паузы.

— Вам так принципиально, чтобы это была я? Вы можете обратиться к любому юристу.

— Но я не знаю других юристов.

— Могу дать вам...

— Нет, вы не поняли, — перебиваю я, и в голосе прорывается напряжение. — Я не знаю их как людей. Я не могу быть уверена в том, что Артем их не подкупит как-то. А в вас я уверена. Я уже знаю, что вы не станете с ним связываться.

Карина смотрит на меня дольше обычного. Внимательно. Почти пристально. Потом слегка усмехается — не насмешливо, а как человек, который всё понял.

— Хм... Ну, что ж... Если вы готовы принять то, что Артем попытается создать нам процессуальные препятствия, то хорошо. Я возьмусь за ваше дело.

Я киваю. Внутри поднимается то самое странное спокойствие — не облегчение и не радость, а тяжёлая, взрослая решимость. Та, которая приходит, когда уже некуда отступить.

— Я все понимаю. Я готова.

«Я готова»

Эти слова эхом повторяются в голове, пока я еду домой. Машина мягко покачивается на дороге, ветер за окном бьёт в стекло, город стремительно летит мимо, превращаясь в размытые пятна света. Я смотрю в окно и понимаю, что больше не чувствую ни злости, ни боли. Только усталость. И ответственность за принятые решения.

Я действительно готова. Теперь — да.

Когда я добираюсь до дома, меня встречает тишина. Глухая, пустая. Артем был... не знаю где. Со вчерашнего вечера мы так с ним больше и не говорили. И, если честно, это даже к лучшему.

Я начинаю собирать вещи. Молча. Монотонно. Без истерик. Складываю одежду в чемодан — в тот самый, с которым когда-то переехала к Артёму, полная надежд и уверенности, что всё делаю правильно. Пальцы дрожат, когда я убираю фотографии. Те самые, где мы счастливо улыбаемся, где он держит Мишу на руках, где я верила каждому его слову.

Теперь всё это — просто бумага. Бумага, пропитанная ложью.

Мне приходится съездить к отцу три раза. Вещей оказывается много. Слишком много для жизни, которая должна была быть «навсегда». Мои, Мишкины, какие-то мелочи, которые я даже не помню, зачем когда-то купила. Таксисты любезно помогают с загрузкой и выгрузкой тяжёлых чемоданов и пакетов. Я благодарю их автоматически, словно всё происходит не со мной.

А потом я возвращаюсь в квартиру последний раз.

Я сажусь на стул на кухне и жду.

Я не знаю, во сколько Артем приедет и приедет ли вообще, поэтому на всякий случай пишу ему короткое:

«Жду тебя дома»

Без подробностей. Без эмоций.

Когда дверь хлопает, я вздрагиваю. Сколько бы я ни храбрилась, а волнение и страх всё равно поднимаются во мне, словно цунами, готовое накрыть с головой.

— Опять темнота везде, — раздраженно бурчит Артем, с силой включая свет. — Я что, должен на ощупь ходить по собственной квартире?

Я поднимаюсь и остаюсь стоять, молча ожидая его у окна. Артем, как обычно, сначала идёт переодеваться, и только потом заходит на кухню.

Странно. Неужели он не заметил отсутствия вещей?

— О, привет, — он включает свет и видит меня одетую и обутую. Мне останется только накинуть пуховик и уйти. Я всё предусмотрела. — Ты чего? — Артем хмурится, оглядывая меня недовольным взглядом. — Лиса, ну е-мое, я, конечно, понимаю, что беременным тяжело разуваться, но это не повод ходить по дому обутой.

— Извини. Это я специально. Чтобы не задерживаться на выходе.

— Не понял...

— Артем, я подаю на развод.

В молчании Артем лишь вскидывает брови, а потом сдвигает их обратно.

— Не понял. В смысле? Какой развод?

— Самый обычный развод. Я забрала вещи и переехала к отцу. Так что можешь не волноваться, я не побеспокою тебя переездом.

Он смеётся — сухо, без тени веселья.

— Лиса, ты совсем рехнулась? Это у тебя после родов такой юмор стал? Или, наоборот, перед предстоящими родами?

— Я бы сказала, что это у тебя юмор странный.

— Да? И чего бы? После всего, что я для тебя сделал?

— После всего, что ты со мной сделал, — спокойно поправляю. — И не только со мной, но и с папой. В скором времени мой юрист пришлет тебе документы на развод. Как только они будут готовы...

— Значит, решила играть в сильную женщину?

— Я ничего не играю, Артем. Я как раз с тобой полностью честна. Это ты заигрался со Снежей.

Его лицо вытягивается. Он всё понимает. Я киваю, подтверждая.

— Ты не...

— Не надо, Артем! Я всё прекрасно поняла. Не надо больше лжи. Мне хватило сполна с Мариной.

— Ах, вот как ты заговорила... — Артем шагает ближе, ухмылка искажает его лицо, и он хватается меня за плечо. Я испуганно бросаю взгляд на его руку, сжимающую меня, а потом снова смотрю ему в глаза. От привычного, тёплого Артема не остаётся и следа. — А теперь, дорогая, ты слушаешь меня. И только попробуй меня снова перебить. Ты, кажется, забыла своё место. И если ты считаешь, что имеешь право тут раскрывать свой рот, то я тебе сейчас напомню истинное положение вещей...

Мои хорошие, приветствую.

Предупреждаю, что со следующей главы будет открыта подписка.

Спасибо всем, кто комментирует. Для меня это очень важно.

А так же сообщаю, что я стартовала новым романом в соавторстве с Мартой Левиной.

Приходите, вместе пожую порцию негодования, возмущения, ярости, кринжа и стекли-шечка. В общем, все то, что мы так "любим". Чтобы в конце сполна насладиться удовлетворением, умилением, заботой, согласием и, конечно же, любовью.

Роман "Бывшие. Между нами (не) любовь", 16+

<https://litnet.com/shrt/8eSq>

Увидимся на страницах истории!

Обняла, приподняла:*

Глава 24: Истинное лицо.

— Ах, вот как ты заговорила... — Артём шагает ближе, ухмылка искажает его лицо, и он хватается меня за плечо.

Его движение резкое, неожиданное, и я даже не успеваю отступить. Пальцы врезаются в ткань куртки, сдавливают плечо так, что кожа под ними будто горит.

Я инстинктивно задерживаю дыхание, словно если стану тише, он ослабит хватку.

Я испуганно кидаю взгляд на его руку, сжимающую меня, а потом снова ему в глаза. Он привычного теплого Артема не остается и следа. Он и не думает останавливаться:

— А теперь, дорогая, ты послушаешь меня. И только попробуй меня снова перебить. Ты, кажется, забыла свое место. И если ты считаешь, что имеешь право тут раскрывать свой рот, то я тебе сейчас напому истинное положение вещей...

— Что, прости? — меня накрывает волна такого потрясения, что я перестаю обращать внимание на все вокруг. — Ты как со мной разговариваешь?

Только его напряженное лицо в нескольких сантиметрах от моего. Сощуренные глаза, стиснутые зубы, желваки, ходящие ходуном на челюстях. Артем никогда таким не был...

В этот момент мое тело реагирует раньше разума. Мышцы каменеют, спина напрягается, а в висках начинает пульсировать. Мне вдруг становится страшно не от самой боли, а от того, как легко он это делает.

Как будто это для него — естественно.

Я испуганно кидаю взгляд на его руку, сжимающую меня, а потом снова ему в глаза. Сердце ухает куда-то вниз, оставляя после себя пустоту и звон в ушах. Это уже не просто спор двух супругов. Это что-то другое. Опасное.

Он привычного теплого Артема не остается и следа.

Передо мной стоит чужой человек. Лицо искажено, черты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.